

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1986

11

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1986

11

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР
И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ,
акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР
Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ,
чл.-кор. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН УзССР
Г. А. АБДУРАХМАНОВ, чл.-кор. АН УзССР А. А. АСКА-
РОВ, чл.-кор. АН УзССР М. А. АХУНОВА, чл.-кор.
АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, чл.-кор. АН УзССР П. Г. БУЛ-
ГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР В. В. КИМ, чл.-кор. АН УзССР
М. К. КОШЧАНОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ
(*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР С. П. ТУР-
СУНМУХАМЕДОВ, чл.-кор. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ,
чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН
УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮ-
МОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редак-
тора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ доктор
филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв.
секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Науменко*

Сдано в набор 4.12.86. Подписано к печати 26.12.86. P01857. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типо-
графская №1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 6,0.
Тираж 1079. Заказ 251. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография издательства «Фан»: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1986 г.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

10 ноября 1986 г. состоялось общее собрание Академии наук Узбекской ССР, обсудившее задачи ученых Академии в свете решений III пленума ЦК Компартии Узбекистана.

В собрании наряду с учеными приняли участие руководители партийных и общественных организаций, ответственные работники ряда министерств и ведомств республики.

С докладом «Задачи Академии наук УзССР по выполнению решений III пленума ЦК Компартии Узбекистана о дальнейшем повышении эффективности идеологической работы в свете требований XXVII съезда КПСС» выступил президент АН УзССР, чл.-кор. АН СССР П. К. Хабибуллаев.

В прениях по докладу приняли участие академики АН УзССР А. Глущенко, В. Кабулов, Х. Турсунов, Х. Усманходжаев, У. Хамрабаев, Э. Юсупов, члены-корреспонденты АН УзССР А. Аскарлов, А. Глушенкова, директор Института энергетики АН УзССР Р. Захидов, доктор ист. наук М. Бабаходжаев. Они дали принципиальную оценку недостаткам, имеющимся в деятельности Академии и ее подразделений, высказали свои соображения о путях их устранения¹.

Перед собравшимися выступила секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р. Х. Абдуллаева.

По заслушанному вопросу было принято развернутое постановление, в котором намечены конкретные мероприятия по решительному устранению имеющихся в работе республиканской Академии наук недостатков и упущений, повышению эффективности работы ученых, ее практической отдаче.

В собрании приняли участие ответственный работник ЦК КПСС В. И. Мальцев, первый секретарь Ташкентского горкома партии Б. Ф. Сатин, заместитель Председателя Совета Министров Узбекской ССР Г. З. Захритдинов.

ВЫСТУПЛЕНИЕ СЕКРЕТАРЯ ЦК КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА Р. Х. АБДУЛЛАЕВОЙ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ АН УзССР

Товарищи!

Все сферы жизни нашего общества сейчас пронизывает атмосфера деловитости, напряженной работы по реализации решений XXVII съезда КПСС, который, исходя из глубокого марксистско-ленинского анализа внутривладеической и международной обстановки, выработал и теоретически обосновал стратегический курс на ускорение социально-экономического развития нашей страны. Сердцевинной стратегии стали всемерная интенсификация производства на основе научно-технического прогресса, структурной перестройки экономики, внедрения

¹ Подробный отчет о работе общего собрания АН УзССР см.: Правда Востока. 1986. 12 нояб.

эффективных форм управления, организации и стимулирования труда, развитие социально-классовых и национальных отношений, дальнейшая демократизация общества.

Курс партии горячо одобряется и активно поддерживается советским народом, находит выражение в росте его трудовой и политической активности.

С особым подъемом восприняты советскими людьми новые крупномасштабные мирные инициативы нашего государства, изложенные Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в Рейкьявике и в последующих его выступлениях по Центральному телевидению. Мирнолюбивая политика социализма, требование нового мышления в ядерный век обретают все больше сторонников на всех континентах планеты.

Делом отвечая на решения партийного съезда, июньского (1986 г.) Пленума, Обращение ЦК КПСС, трудящиеся республики, как и все советские люди, напряженно трудятся, стремятся превратить смелые замыслы и планы партии в энергию практических действий.

Реализация исторических решений съезда требует принципиально нового подхода к постановке идейно-воспитательной работы, обеспечения ее единства с организаторской и хозяйственной деятельностью, направленности на конкретные, практические дела.

Именно в этом ключе на III пленуме (1986 г.) ЦК Компартии Узбекистана были рассмотрены задачи партийных организаций республики по дальнейшему повышению эффективности идеологической работы в свете требований XXVII съезда КПСС.

Как отмечалось на пленуме, извращения в руководстве экономикой, массовые приписки, обман государства, взяточничество, нарушения ленинских принципов подбора и расстановки кадров, имевшие место в республике, непосредственно связаны также с серьезными провалами в идеологической, политико-воспитательной работе. Идеиное перерождение и моральное разложение многих партийных, советских и хозяйственных руководителей, сознательно организованное казнокрадство, хищения, разбазаривание социалистической собственности иначе как предательством интересов партии и народа назвать нельзя.

Причин возникновения этих уродливых явлений немало. Ранее подробно рассматривались те из них, которые связаны с нарушением социалистических норм хозяйствования и ленинских принципов подбора и расстановки кадров. В докладе первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана И. Б. Усманходжаева на III пленуме ЦК были проанализированы идеологические причины широкого распространения регрессивных явлений в республике.

В системе многочисленных искривлений главное просматривается в том, что идеологическая работа во многом была направлена на создание иллюзии благополучия. Серьезные провалы в экономике, социальной сфере идеологический аппарат очень часто прикрывал и все преуменьшал односторонне, в розовом свете. Достижения сравнивались с данными начала XX столетия, хотя мы давно перешагнули его вторую половину. Пока наш актив самолюбовался, соревновался в угодничестве, по многим показателям культурного уровня народа, социальным вопросам республика существенно отстала от других союзных республик. В научной и творческой жизни стал насаждаться меркантильно-конъюнктурный подход; даже на почетные звания, государственные премии люди порой представлялись с позиций родства, угодничества и других неделовых признаков.

Молодежь недополучала в нужном объеме знания из-за долгого отвлечения на сельхозработы; она выросла и воспитывалась в обстановке коррупции, вседозволенности, низкой трудовой дисциплины, роста алкоголизма и преступности. Она была свидетелем того, как в науке, народном образовании приняты широкий размах семейственности, протекция, вымогательство.

Такое мощное идейное оружие, как пресса, радио, телевидение, были сорнированы на насаждение культа личности. Органы массовой информации зачастую не только не критиковали хапуг, взяточников, поднявшихся на тот или иной должностной пьедестал, а наоборот, преследовали тех честных людей, которые писали и говорили об их неблаговидных делах. Все это породило у многих людей недоверие к части руководителей, неверие в торжество справедливости и правды. Более того, стало наблюдаться тревожное явление — молчаливое согласие ряда коллективов на воровство, коррупцию должностных лиц, семейственность и т. д. Спад политической активности масс, несомненно, устраивал тех, кто, держа в руках бразды правления, нанес республике серьезный экономический и моральный урон.

Сегодня важнейшая задача всех партийных организаций, каждого коммуниста, руководителя, в том числе научных учреждений, — утверждение правды везде и во всем, единством дел и поступков, утверждение правды такой, как она есть. Ведь у нас сложился «свой» стереотип толкования правды — правда то, что хорошо, а то, что плохо, — неправда. Открытая, порой горькая правда считалась чуть ли ни посягательством на национальные интересы, «сор из избы» не должен был выноситься. Пусть он гниет, разлагается, отравляя нравственную атмосферу, но зато «фасад» был торжествен в угоду амбициям ряда должностных лиц, которые, обманывая государство, получали незаслуженное признание и вознаграждение. Такая философия служила им идеологической платформой для многих злоупотреблений терпимостью масс и активно насаждалась в общественном сознании.

Извлекая серьезные уроки из прошлого, надо коренным образом перестраивать все сферы идеологической работы, в том числе научную деятельность. Именно наука, которая в концентрированном виде представляет собой вершину культуры, вершину человеческой мысли, высшую ступень идеологической деятельности, должна быть пионером в перестройке, намеченной XXVII съездом КПСС.

И если сегодня, с позиций требований XXVII съезда КПСС, который определил научно-технический прогресс как стержневую задачу и обеспечения интенсификации и эффективности всего общественного производства, рассматривать наши дела в науке, то по многим параметрам они не выдерживают никакой критики.

Как известно, на III пленуме ЦК Компартии Узбекистана прозвучала резкая критика в адрес Академии наук и ее руководства.

Дело в том, что мы пока не ощущаем даже начала перестройки во многих академических подразделениях. Создание нескольких научно-технических центров, пересмотр структуры академических институтов — больше механический процесс, в целях увеличения зарплаты, нежели в целях получения эффекта. Это не свидетельствует о начале перестройки.

Сегодня академическая наука должна смелее и решительнее перестраиваться на основополагающее направление — стратегический курс партии на ускоренное экономическое и социальное развитие. Идет ли перестройка именно в этом направлении? К сожалению, нет. Почему? Изменяя формы управления, мы не меняем его содержание.

Так, к примеру с большими надеждами был создан межведомственный научно-технический центр по хлопкоуборочной технике. Думали, что он станет настоящим аккумулятором идей, совершенно новых решений, подходов, вплоть до революционных пересмотров сложившихся аксиом в теории механики. А что же на деле? Опять «свое» и «чужое», опять нет доверия предложениям со стороны, нет открытости. Молодежь отталкивается, на ее предложения следует болезненная реакция. Разве это единственный пример? К сожалению, нет.

Почему продолжают иметь место подобные явления, теперь прикрываемые видимой перестройкой? Дело в том, что за авторитетом двух-трех десятков крупнейших, признанных ученых республики в сис-

теме нашей Академии наук многие люди скрывают свою научную несостоятельность и бездеятельность; они привыкли хорошо жить, ничего не делая. Инертность мышления, узость подходов к проблеме, отсутствие гражданственности и патриотизма у таких лиц стали тормозом в развитии науки республики.

Мы десятилетиями говорим о признанной школе математиков академика Т. А. Сарымсакова, о большом вкладе в науку академиков И. Х. Хамрабаева, С. Ю. Юнусова и некоторых других. А где же другие школы, направления?! Где же наш вклад за последние 20 лет? Что мы можем ожидать от молодой поросли в ближайшие годы? На эти и многие другие вопросы мы ответов не получаем и от нового руководства Академии.

В том, что республиканская наука «пробуксовывает» по многим направлениям, также проглядывается насаждение во многих академических подразделениях семейственности, протекционизма, кумовства.

Руководителями, партийными организациями ряда институтов интересы науки, народа были отодвинуты на второй план, личностные мотивы брали верх. Они заполнили хорошо оплачиваемые должности своими детьми, близкими, «сделали» их как минимум кандидатами наук. Это привело к утрате научных позиций, завоеванных в труднейшие годы создания и формирования Академии наук республики, к тому, что во многих научных коллективах нет атмосферы поиска, деловитости.

Президиум Академии наук, лично П. К. Хабибуллаев, К. И. Лапкин, Т. Р. Рашидов, Э. Ю. Юсупов, руководители Отделений, директора институтов, секретари партийных организаций, наши академики наконец-то должны набраться мужества и очистить академические институты от случайных людей, привлечь в науку людей дерзновенных, ищущих, талантливых.

Центральный Комитет Компартии Узбекистана не может далее мириться с тем, что по многим направлениям мы десятилетиями топчемся на месте. Нельзя согласиться и с таким положением, когда подавляющее большинство исследований не связаны с дальнейшим социально-экономическим и культурным развитием республики.

Несомненно, наши ученые должны активно участвовать в разработке общесоюзных проблем. Но ведь зачастую они, прикрываясь этим, отходят от насущных региональных вопросов, а если углубиться в разрабатываемые ими «глобальные» проблемы, то зачастую оказывается, что это фикция. А ряд руководителей, как знаменем, размахивают 5 рублями эффективности на рубль вложений в науку, стремясь прикрыть ими все бреши своих институтов. Успокаивать нас дальше такими показателями мы никому не позволим.

Предложение предложению — рознь. Есть предложения, которые сегодня могут быть и убыточными, требуют огромных затрат, но они определяют будущее и науки, и экономики. Академия наук должна оперативно рассматривать их, поддерживать все ценное и делать все для их ускоренного внедрения.

Есть ученые технического профиля, не владеющие ораторским искусством, но у них золотые мысли, руки, глубокие предложения и расчеты — на них нам надо делать ставку, для них Академия наук должна открывать отделы, лаборатории, а если надо — и целые конструкторские бюро.

Сегодня академическим подразделениям не хватает мобильности. Устаревшая структура не меняется десятилетиями. Боязнь закрыть отделения, лаборатории, институты, которые десятилетиями ничего не дают, мусолят одни и те же вопросы, стала болезнью. Надо решаться, нужен оправданный риск, необходима быстрая, своевременная переориентация на новые направления.

В подтверждение сказанного можно привести несколько примеров. Хлопкоуборочная машина. Сколько десятилетий в решении этой проб-

лемы мы топчемся на месте! Разве талантами республика поиссаякла, ведь было немало хороших идей и предложений. Но ряд ученых своим доминирующим положением в науке, авторитетом многих молодых специалистов просто загнали в угол, их ценные предложения или запылились на полках, или просто забыты.

Очень много и долго говорим мы о проблемах земледелия, севооборота, о вилте, об упущениях в селекции хлопководства. А где предложения ученых, где комплексная программа научного, долгосрочного управления всеми земельными угодьями, в том числе нашим поистине золотым фондом — поливным гектаром.

Или же возьмите вопросы народонаселения и межнациональных отношений. Где кардинальные предложения по определению тенденций их развития, почему при наличии крупных резервов трудовых ресурсов слаб отток людей из сельской местности в промышленность, особенно в отрасли, определяющие научно-технический прогресс? Почему на седьмом десятилетии Советской власти стали возможными проявления у ряда лиц национального чванства и возрождение некоторых архаичных, религиозных обрядов и традиций?

Подобных вопросов сегодня можно задать много. Речь идет о необходимости серьезного критического анализа положения дел в науке по всем направлениям, о более активной помощи и влиянии науки на интенсивное развитие производства и социальной сферы.

Речь идет об интенсификации развития и фундаментальных, и прикладных наук, о поисках интенсивного сокращения путей от фундаментальных исследований до их внедрения, ибо, как отмечал член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев в своем выступлении на общем собрании Академии наук СССР 16 октября текущего года, — нельзя создавать интенсивную экономику, не имея интенсивно развивающейся науки. Вот почему резкое повышение эффективности работ каждого научного коллектива, каждого института, каждой лаборатории — непременное условие успеха всех наших планов.

Президиуму Академии наук надо смелее решать накопившиеся вопросы, быстрее ликвидировать завалы на путях творческих поисков, особенно молодых, отбросить ненужный либерализм, смелее переводить науку на рельсы ускорения. Наука не может строиться, исходя из чьих-то личных интересов, она должна строиться только на основе интересов государства и народа.

На III пленуме ЦК Компартии Узбекистана с тревогой говорилось о серьезных изъянах в развитии общественных наук, литературы и искусства, т. е. той сферы, которая во многом определяет духовный мир человека, его мировоззренческие позиции.

К сожалению, корни этих изъянов берут свое начало в академических институтах, когда некоторые ученые в конце 60-х годов в стремлении определить «новые» критерии в оценке исторического прошлого и исторических личностей практически отошли от партийности и классовости, от марксистско-ленинской методологии. В их работах кровавый завоеватель Тимур, например, предстал поборником чести и достоинства, уважаемым и почитаемым народными массами. Памятники духовной, материальной культуры, созданные талантом и трудом народа, превозносились как заслуги царей. В характеристике Бабур за малчиwались его захватнические деяния. Отдельные деятели от науки и литературы преподносили его односторонне — исключительно как тонкого лирика и ценителя культуры. Сам Бабур оказался намного объективнее наших ученых и писателей, когда в «Бабурнаме» признавался в том, что огнем и мечом карал целые селения, сдирал живьем кожу с непокорных, возводил горы из отсеченных голов. И все же произведения Бабур и ряда других феодальных правителей (Х. Байкары, Амири и др.) неоднократно издавались массовыми тиражами без каких-либо комментариев.

Все это, как было отмечено на III пленуме ЦК КП Узбекистана, с одной стороны, дезориентировало массы, особенно молодежь, относительно предмета национальной гордости, наносило ощутимый урон делу интернационального воспитания, а с другой, — исподволь создавало идеологическую платформу для восхваления новоявленных «царьков» и «баев» с партийными билетами, породив среди значительной части кадров идейные шатания.

Несомненно, каждый памятник культуры, литературное наследие имеют определенную художественную ценность и их надо изучать. Они выступают как важный фактор патриотического воспитания, воспитания на истории. Но на какой истории воспитывать, с каких позиций трактовать историческое прошлое?! В этом весь вопрос. Следует помнить, что отход от классово-оценки прошлого приводит не только к увлечению, по словам В. И. Ленина, реакционным романтизмом, но и к раблепикю, а исподволь — к обесцениванию завоеваний социализма.

Некоторые авторы, воспевая мнимое благородство царей и феодалов, старались выдать себя за истинных защитников национальной культуры, а в конечном счете стали подогревать национальное чванство, замкнутость и эгоизм. К сожалению, этой болезнью и сегодня поражена некоторая часть интеллигенции республики. В определенной степени это отразилось в третьем издании «Истории Узбекистана», учебном пособии «Основы марксистско-ленинской философии», Узбекской Советской Энциклопедии, в ряде учебников.

Нельзя не отметить, что идеализация прошлого привела к такому кощунству, когда с ведома партийных и советских органов некоторые колхозы и совхозы, учебные заведения, улицы, носившие имена борцов за наши идеалы, переименовывались в честь феодальной знати или ее отпрысков.

Допущенные в республике серьезные ошибки в общественных науках в свое время подвергались критике в центральной печати. У нас же о них деликатно помалкивали. До сих пор Академия наук не приняла никаких мер по их исправлению. Все это стало возможным потому, что ряд ученых НИИ Академии наук, научная критика страдают заискиванием, комплиментарностью. В обществоведческих институтах отсутствует серьезный научный анализ, в них продолжают существовать обстановка терпимости к научной безграмотности, ненужная лояльность, взаимовосхваление, мешающие нашему движению. Отсюда ошибки за ошибками.

Так, в 1984 г. Академия наук выпустила сборник «Басмачество: социально-политическая сущность», который изобилует неточностями, противоречивыми трактовками, разночтениями имен, обнаружен плагиат. Однако вице-президент АН УзССР Э. Ю. Юсупов всего этого не заметил, хотя был соавтором. Также не заметили этих изъянов и научная критика, журнал «Общественные науки в Узбекистане». Э. Ю. Юсупов резко ослабил в последнее время руководство процессом развития общественных наук в академических институтах, стал увлекаться соавторством в многочисленных изданиях. Только за последние 2 года и 10 месяцев его фамилия стоит в изданиях, общий объем которых составляет 75,5 печ. л. Когда же руководить подразделениями? Здесь надо успевать только ставить фамилию.

В то же время в ряде обществоведческих институтов сложились нежелательные явления. Низкий профессиональный уровень ряда ученых, выявленный во время аттестации, вызывает сомнения в их соответствии ученым степеням и званиям. Неоднократное отклонение монографий некоторых докторов наук — это ли не свидетельство их низкой профессиональной компетентности?!

П. К. Хабибуллаев в докладе говорил о разработках крупных проблем обществоведов, но если вникнуть по существу в эти монографии, то видно, что многие из них — не монографии, а сборники порой противоречащих друг другу статей.

Кстати, это отражает и структуру НИИ. Возьмите Институт истории. От былой славы его ничего не осталось. Исследования по истории Узбекистана разрознены по отделам и секторам истории рабочего класса, крестьянства, городов и т. д., а цельного, поэтапного ее исследования нет.

Институт языка и литературы не первый год изучает закономерности развития узбекской советской литературы, ее основных идейно-художественных тенденций на современном этапе. За последние годы какие закономерности, тенденции выявлены, обобщены и представлены в ЦК этим институтом, чтобы мы могли их учесть в практической работе?! Никаких! Ни одной записки с конкретными предложениями.

Почему же институт, имея в своем распоряжении 5 литературоведческих отделов, 16 докторов, 97 кандидатов наук, не заметил, не забил тревогу, что в республике в последние годы появилось немало произведений, в которых авторы, отойдя от социалистического реализма, потеряв партийный, классовый ориентир, стали идеализировать патриархальное прошлое, тем самым давая читателю превратное представление об истории народа, об истоках культурного наследия?

Вопиющим примером национализма, уродования исторической действительности служит опус М. Махмудова «Ўлмас қоялар» («Неумирающие скалы»), опубликованный на страницах органа Союза писателей Узбекистана журнала «Шарк юлдузи».

Делячество проявилось в издании многотомных сочинений ряда авторов, проталкивании их произведений в центральные издания, искусственном увеличении объемов и тиражей книг, которые долгие годы залеживаются на полках книжных магазинов. Самое страшное во всем этом заключалось в том, что заведомо бездарные произведения выдавались за значительные явления литературы и искусства. В то же время публикация произведений молодых талантливых писателей постоянно затягивалась. А где же был наш Институт языка и литературы?

Много бумаг исписали наши институты экономического профиля. Однако мало чего ценного выдали они для практики. Их подразделения замкнулись в стенах своих лабораторий, в своих цифрах и расчетах. Голые цифры в отрыве от анализа общественных процессов, от диалектики общественных отношений, без учета конкретно-исторических условий становятся мертвыми, в их показателях нет логики. Открывающаяся, по расчетам многих наших экономистов, перспектива скорее представляет мираж, так как она построена зачастую в отрыве от реальности.

Возьмем только один крупный вопрос — формирование рабочего класса из лиц коренной национальности. Этот вопрос сегодня более экономико-политический, нежели философский. Что же получается в расчетах? Так, в этом году из десятых классов школ выпущено 310 тыс. человек, на очные отделения вузов принято около 50 тыс. Резерв — 260 тыс. Где им более полезно приложить свои силы и знания? Получается — вроде есть резервы, а производственные мощности годами не загружаются. В Московском районе Андижанской области в нынешнем году вводятся в строй молочный завод и трикотажная фабрика. Где брать рабочих? Этого пока не знают ни райком, ни райисполком. Тем временем в школах района готовят парикмахеров, поваров, секретарей-машинисток. И такое положение во многих городах и районах. Все это привело к тому, что сложилась такая структура рабочего класса, когда при общем росте рабочих коренной национальности их прослойка в отраслях, определяющих технический прогресс, очень низка.

В этих показателях, во-первых, отзвуки серьезных упущений в работе школ по трудовому воспитанию и низкие знания учащихся, во-вторых, явное проявление иждивенчества со стороны некоторых министерств и ведомств, руководителей предприятий, которые питают иллюзии, что квалифицированными работниками их будут постоянно «подпитывать» другие республики.

Разве эти проблемы не должны волновать экономические подразделения? А где их разработки и предложения в разрезе каждого района, города по использованию трудовых ресурсов с учетом развития производительных сил? Наши экономисты могут позволить себе изучать только «глобальные» проблемы — общесоюзные, среднеазиатские, ну, в крайнем случае, — республиканские, а опуститься в район, город, колхоз, совхоз — это как-то, по их мнению, не солидно.

Формирование национального отряда рабочего класса как важный политический вопрос во многом обуславливает нравственное, социальное здоровье общественного организма. Но к решению этой проблемы нельзя подходить утилитарно. Решать проблемы ускорения, развивать отрасли, определяющие научно-технический прогресс, пользоваться достижениями советской многонациональной культуры, овладеть боевой техникой невозможно без глубокого знания русского языка. Это нужно знать каждому из нас, этим нужно руководствоваться, чтобы не обделит народ, особенно молодежь, чтобы он шел в ногу вместе со всеми братскими республиками, чтобы мимо него не прошли достижения мировой цивилизации.

В соответствии с решением III пленума ЦК КП Узбекистана, Президиуму Академии наук совместно с Минпросом надо уделять больше внимания проблеме изучения русского языка.

Как отмечалось на пленуме, у нас активно проходил и продолжает проходить процесс сращивания обыденного сознания многих кадров с религиозными догмами, который привел их к фактическому духовному компромиссу с религией. В результате у части людей появилось как бы два лица — одно общественно-политическое, когда ратуют за наши идеалы, другое — бытовое, когда соблюдают религиозные обряды. Одним они умело пользовались на службе, другим — в семье, по месту жительства.

Отсутствие в воспитательной работе четкой направленности по широкому утверждению советского образа жизни, принципов коммунистической морали привело к деформации ряда народных обычаев и традиций, появлению и укоренению в сознании части населения стереотипов, противоречащих духу нашего общества, ведущих к размыванию его нравственных устоев и оценок жизненных ситуаций. Умаление опасности религиозных предрассудков, подмена атеистического воспитания декларативными лозунгами, веротерпимость, а то и открытое заигрывание с духовенством привели к религиозному всплеску, особенно в исламе.

Религия является не просто одной из разновидностей антинаучного мировоззрения, идеологической основой сохранения пережитков патриархального уклада жизни. Сегодня мы наблюдаем и другое явление — религией прикрываются те, кто противодействует искоренению последствий негативных явлений, оздоровлению морально-психологической обстановки, пытается выдать проводимую в республике работу по укреплению дисциплины и порядка, борьбу с религиозностью чуть ли ни как антинациональную кампанию.

Нельзя недооценивать опасность широкого распространения многих реакционных традиций и обрядов и то, что наиболее фанатично настроенная часть незарегистрированного духовенства выступает против норм и принципов социалистического образа жизни, грубо нарушает советские законы.

Засевшие во многих населенных пунктах, махаллях разного рода шарлатаны, выдавая себя за служителей культа, беспрепятственно проповедуют догмы ислама, занимаются знахарством, распространяют литературу, магнитофонные записи и видеофильмы религиозного содержания.

Вместе с этим наши зарубежные классовые противники в своей враждебной пропаганде делают ставку на разжигание религиозно-националистических настроений, чтобы внести раздор в дружбу народов СССР, вбить клин между ними.

Во всем этом надо видеть и серьезное упущение обществоведов. Ведь их в республике только в науке и высшем образовании 10 тыс., в том числе 5 тыс. докторов и кандидатов наук. У многих из них декларации и заявления о необходимости противодействия религии не подкрепляются конкретными делами, а некоторые сами участвуют в религиозных обрядах и праздниках.

Внедрение научного, материалистического мировоззрения в сознание и поступки людей невозможно без серьезной перестройки деятельности обществоведческих институтов и кафедр. Многие из них фактически отошли от разработки теоретической основы и исследования проблем по важнейшим направлениям идеологической работы, в том числе атеистического воспитания с учетом особенностей ислама. За последние 10 лет в ЦК из институтов не поступило ни одной записки с рекомендациями по философско-историческим проблемам, коммунистическому воспитанию трудящихся, развитию творческой мысли. Подготовка специалистов по проблемам научного атеизма и критики ислама осуществляется в незначительных размерах.

И после XVI пленума ЦК Компартии Узбекистана, где указывалось на активизацию религиозных организаций, ни один обществоведческий институт, ни один ученый не откликнулся конкретными предложениями о путях быстрого устранения завалов на этом трудном и сложном идеологическом участке. Более того, журнал Академии наук «Фан ва турмуш» («Наука и жизнь») опубликовал без всяких комментариев мистический календарь «Мучал», где на полном серьезе советует мужчинам, родившимся в год лошади, не связывать свою судьбу с женщинами, которые родились в год мыши, и т. д. Вообще этот журнал в последние годы под видом народных обычаев и традиций стал фактически пропагандировать мистицизм и фатализм. Журнал Академии наук «Общественные науки в Узбекистане» за последние 10 лет не дал ни одного серьезного критического материала по проблемам религии.

Стали ли эти факты предметом рассмотрения в Президиуме Академии наук? Нет! Если деятели общественных наук не будут в первых рядах борцов за идейную, мировоззренческую чистоту и научную последовательность, кто же будет бороться за то, чтобы наша марксистско-ленинская идеология вошла в плоть и кровь каждого?!

Извлекая уроки из прошлого, обществоведы должны, в первую очередь, сами не терять единственно верный компас в научных поисках — марксистско-ленинскую методологию — и вместе с тем не на словах, а на деле стать подлинными идейными борцами партии. Сегодня обществоведам, руководствуясь решениями XXVII съезда партии, постановлением ЦК КПСС по журналу «Коммунист», необходимо смелее откликаться на запросы практики, своевременно вскрывать происходящие глубинные процессы и новые явления в жизни общества. В числе основных направлений обществоведам республики следует сосредоточиться на исследованиях проблем диалектики развития социалистического общества в национальной республике на новом историческом этапе, социально-философских и методологических аспектов научно-технического прогресса, возрастания роли человеческого фактора в поступательном развитии республики, проблем национальных отношений в условиях широкой интеграции экономик союзных республик и т. д.

Важно с научных позиций разобраться в истоках рецидива религиозности, возрождения патриархальных обрядов, причинах серьезных отступлений от норм и принципов социалистического образа жизни. Глубокого исследования требуют проблемы народных традиций.

Академии наук республики следует серьезно заняться подготовкой научной смены обществоведов, положить конец формированию аспирантуры по родственным признакам. Как было сказано на III пленуме, мы ожидаем от Академии наук разработки глубокой цельной программы формирования у людей, начиная с детского возраста, мате-

риалистического мировоззрения. Многие могли бы сделать наши учебные по пропаганде трудов классиков марксизма-ленинизма, так как это дело в последние годы было принижено.

В переломный момент исторического развития, как никогда, каждому коммунисту нужен точный теоретический компас. Таким компасом для нас являются на современном этапе Программа КПСС, Политический доклад ЦК КПСС и другие документы XXVII съезда КПСС.

Но будем откровенны — политическое образование в подавляющем большинстве организаций, в том числе в системе Академии наук республики, ведется формально, говоря словами М. С. Горбачева, здесь нет взаимосвязи передовых идей и практики строительства нового общества. Во многих случаях наблюдается полный отрыв от задач конкретного коллектива, серьезно ослаблена работа по подбору пропагандистов.

Сложившаяся в республике ситуация требует перелома и в психологии научных кадров по отношению к теоретической закалке, творческого подхода к этому делу, решительного отхода от крепко укоренившихся в учебе формализма и начетничества.

Грубые извращения ленинских принципов подбора и расстановки кадров по деловым, политическим и моральным признакам, подмена их принципами родства, угодничества, землячества и даже корыстными побуждениями привели к серьезным идеологическим последствиям.

Появился даже определенный социальный тип — человек не на своем месте. Это стало болезнью общества, ибо работников не на своем месте, занимающих ответственные посты, стало много.

Народ отвернулся от них, ибо они попирали наши идеалы, законы, насаждали свой культ, вседозволенность, высокомерие по отношению к людям. Социальная опасность этого явления заключалась в том, что оно подрывало авторитет партии.

После XVI пленума ЦК пришлось принять решительные меры по очищению идеологической сферы, как и других, в первую очередь партийных комитетов, от случайных людей, укрепить аппарат ЦК, обкомов, горкомов и райкомов партии, ряд министерств и ведомств, средства массовой информации. Большую и конкретную помощь оказал ЦК КПСС, направив в республику ряд опытных работников.

Однако состояние работы с идеологическими кадрами в республике еще не отвечает возросшим требованиям.

Каждый руководитель, какой бы пост он ни занимал, перед коллективом предстает, в первую очередь, как воспитатель, выразитель политики партии. Создание здорового морально-психологического климата во многом определяется его личными качествами, поступками. Когда речь идет об утверждении правды, о гласности, расширении демократии, утверждении социальной справедливости, очень важно, чтобы руководитель создавал атмосферу товарищества, откровенной критики недостатков.

Здесь происходят изменения, однако во многих случаях пока на словах. Во взаимоотношениях между кадрами все еще не удается искоренить чиновничество, угодничество, лесть, подстраивание под настроение и мнение первого лица. У нас немало руководителей, которые считают, что только их мнение окончательное. Пресс должностного авторитета порой еще сильно давит, заставляет принимать непродуманные, иногда противозаконные решения. Эту болезнь следует решительно искоренять, утверждать честные и откровенные взаимоотношения, проявлять нетерпимость к высокомерию, чванству.

Все еще живуч принцип «не выносить сор из избы», а тех, кто осмеливается на это, бывает, фактически выживают из коллектива.

Как подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС, важнейшей предпосылкой здоровой жизни каждой партийной организации является последовательное осуществление принципа коллегиальности.

Только строгое соблюдение и всемерное укрепление его могут оградить кадры от субъективистских наскоков, создать предпосылки для принятия продуманных, обоснованных решений.

Наша демократия не отрицает, а предполагает личную ответственность и дисциплину. Она — одна для всех. Если кто-то ратует за порядок, то в первую очередь сам должен быть примером в его соблюдении; если критикует другого за невзыскательность, то должен сам быть предельно строгим к себе.

В то же время нельзя допускать, чтобы критика и самокритика были формальными. Иногда, разглагольствуя о демократии, о «законных правах», некоторые люди занимаются демагогией. Разгадать ее порой непросто — вроде по делу говорит человек, знает упущения и промахи. А если взглядеться в существо такой критики, в то, что лично сделал этот человек для перестройки, исправления недостатков, окажется, что сам он палец о палец не ударил ради дела.

За каждым поступком человека всегда стоит нравственный аспект. Право взять слово, писать письма и жалобы имеет каждый. Но нам далеко не безразлично, выражены ли они от чистого сердца или ради корысти и честолюбивых замыслов, насколько они объективны.

Оберегая коллектив от пустозвонов и демагогов, нельзя в то же время навешивать ярлыки на людей, которые с болью говорят о недостатках, стремятся не допустить повторения ошибок.

Идеологическая работа партии охватывает в сущности все сферы общественной жизни. Она сложна и многообразна. Здесь требуются идейная стойкость, высокая квалификация, профессионализм, лучшие человеческие качества.

В идеологической работе партии большой опорой являются обществоведы, все ученые. Надо, чтобы каждый ученый, каждое научное подразделение, независимо от того, какими проблемами они занимаются, стали своеобразным идеологическим звеном партийной организации республики, ощущали свою возросшую ответственность за воспитание масс, действовали творчески, энергично, работали с полной отдачей сил, чтобы люди реально почувствовали начатый необратимый процесс ускорения, начало коренной перестройки всех сфер нашей жизни.

Позвольте выразить уверенность в том, что коллектив Академии наук республики направит весь свой творческий потенциал на успешное выполнение исторических решений XXVII съезда КПСС, июньского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС и III пленума ЦК Компартии Узбекистана.

Т. Р. РАХИМБАБАЕВА, М. А. ГУЛЯМОВА

**УЧАСТИЕ УЗБЕКИСТАНА В МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЯХ СССР
ПО ЛИНИИ ЮНЕСКО**

Последовательно проводя на международной арене ленинскую политику интернационализма, Советский Союз идет в первых рядах борцов за мир, разоружение, единство и сплоченность антиимпериалистических сил, за развитие плодотворных связей и сотрудничества со всеми странами.

Ход истории, общественного, прогресса, современная международная обстановка настоятельно требуют налаживания конструктивного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты.

«Сегодня, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — как никогда важно найти пути более тесного и продуктивного сотрудничества с правительствами, партиями, общественными организациями и движениями, которые действительно озабочены судьбами мира на Земле, со всеми народами ради созидания всеобъемлющей системы международной безопасности»¹.

Принципиальные основы такой системы в гуманитарной области включают в себя, в частности, «укрепление и поиски новых форм сотрудничества в сфере культуры, искусства, науки, образования и медицины»².

Эти положения Политического доклада закреплены в принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы партии, где говорится: «КПСС — за развитие широких, долгосрочных и стабильных связей между государствами в сфере экономики, науки и техники на основе полного равноправия и взаимной выгоды...»

КПСС — сторонница широкого взаимного обмена подлинными культурными ценностями между всеми странами. Такой обмен должен служить гуманным целям: духовному обогащению народов, упрочению мира и добрососедства»³.

Политика нашей партии всегда была и будет верна этим принципам.

Достойное место в международных связях СССР занимают все союзные республики, в том числе Узбекистан. Эти связи осуществляются по разным каналам через различные организации.

Одной из международных организаций, через которую представители Узбекистана участвуют в культурном сотрудничестве СССР с зарубежными странами, является ЮНЕСКО — организация по вопросам просвещения, науки и культуры при ООН. Она была учреждена в ноябре 1945 г. в Лондоне на конференции представителей 44 стран. Устав ЮНЕСКО, утвержденный этой конференцией 16 ноября 1945 г., вступил в силу 40 лет назад, 4 ноября 1946 г. Согласно Уставу, цель ЮНЕСКО заключается в содействии миру и безопасности

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. 1986. С. 74.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 178.

путем развития сотрудничества между странами в области просвещения, науки и культуры.

Ныне в составе ЮНЕСКО — 158 членов. Советский Союз вошел в эту организацию в 1954 г. и с тех пор активно сотрудничает с нею, всемерно содействуя ее укреплению, успешному выполнению ее функций.

Представители Узбекской ССР — неизменные участники сессий различных органов ЮНЕСКО, конференций, симпозиумов, семинаров, проводимых ЮНЕСКО или с ее участием. Последовательно отстаивая интересы Страны Советов, они вместе с другими советскими представителями предпринимают усилия к тому, чтобы программа и деятельность этой организации служили интересам мира и подлинного социально-экономического прогресса.

Одно из важнейших направлений внешней политики СССР — оказание всесторонней помощи национально-освободительному движению и освобожденным странам. Советский Союз всемерно содействует и усилению роли ЮНЕСКО в борьбе с колониализмом и расизмом. В этом отношении важное значение имела XIV сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, состоявшаяся в ноябре 1966 г. Сессия рассмотрела внесенный делегацией СССР вопрос «О задачах ЮНЕСКО в свете решений двадцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу ликвидации колониализма и расизма». От имени СССР выступил министр иностранных дел УзССР. Он заявил, что хотя колониализм и доживает последние дни, однако в Южной Африке и в некоторых других районах он еще сохраняет свои позиции, обрекая десятки миллионов людей на нищенское существование, лишая их элементарных прав и возможности развивать свою национальную культуру и искусство, доступа к образованию и науке. Советский делегат призвал участников сессии внимательно проанализировать уже проделанную работу и наметить дальнейшие конкретные шаги по активизации деятельности ЮНЕСКО в этой области.

В сентябре 1970 г. в Тегеране (Иран) состоялась 5-я региональная конференция национальных комиссий по делам ЮНЕСКО стран Азии, в которой участвовали представители 20 стран, в том числе СССР. Выступая по V пункту повестки дня: «Деятельность азиатских национальных комиссий в борьбе за мир, за права человека, воспитание молодежи в духе против расовой дискриминации», глава советской делегации, заместитель министра иностранных дел УзССР осудил агрессию США в Индокитае и Израиля на Ближнем Востоке, отметил вклад Советского Узбекистана в мирное решение спорных вопросов, в развитие мирных отношений между народами, указав при этом в качестве примеров на Ташкентскую встречу руководителей Индии и Пакистана, Ташкентскую конференцию писателей стран Азии и Африки, Ташкентские кинофестивали стран Азии и Африки.

Одной из важнейших проблем, стоящих перед ЮНЕСКО, является борьба с неграмотностью, особенно в развивающихся странах, и прежде всего среди женщин.

Общезвестно, какие успехи достигнуты в этой области на Советском Востоке, в том числе в Узбекистане, где в течение жизни одного поколения в ходе глубоких социалистических преобразований была достигнута сплошная грамотность населения, в том числе женщин.

Не случайно в 1963 г. Ташкент стал местом проведения международного семинара женщин стран Африки, организованного Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО и Комитетом советских женщин в рамках Программы ЮНЕСКО. Участницы семинара — представительницы 14 стран Африки и 6 советских социалистических республик, в том числе Узбекистана, обменялись мнениями о том, как лучше и быстрее решать проблему образования женщин, изучить соответствующий опыт других стран, в частности Советского Союза. Зарубежные участники семинара с большим интересом заслушали доклады об опыте органи-

зации образования женщин в Советском Союзе, о ликвидации неграмотности в Узбекистане, с которыми выступили представительницы Узбекской ССР. На примере нашей республики было показано, как ликвидировалась неграмотность среди женщин местных национальностей, что явилось важным фактором в достижении их фактического равноправия.

В мае 1966 г. в Ташкенте состоялся семинар ЮНЕСКО по планированию и организации программ ликвидации неграмотности для специалистов из африканских стран. Ученые, а также участники борьбы с неграмотностью в Советском Союзе рассказали о массовом походе против неграмотности в первые годы Советской власти, о ликвидации неграмотности среди женщин. Участникам семинара была предоставлена возможность подробно изучить опыт ликвидации неграмотности в СССР, в частности в Узбекистане, познакомиться с постановкой дела народного образования в республике⁴.

1—9 февраля 1970 г. в Хартуме проходил региональный семинар по проблеме подготовки кадров для борьбы с неграмотностью среди женщин. Семинар был организован Международной демократической федерацией женщин и Союзом суданских женщин при содействии ЮНЕСКО. Участники семинара заслушали весьма обстоятельные выступления об опыте ликвидации неграмотности в Советском Союзе, в частности в Узбекистане, о чем рассказал представитель Узбекистана. Опыт Советского Союза был воспринят как весьма ценный для африканских и арабских стран.

Традиционным стало участие Узбекской ССР во многих научных форумах, проводимых по линии ЮНЕСКО.

Крупным международным форумом явился 25-й, юбилейный симпозиум по химии высокомолекулярных соединений «Макро-78», состоявшийся в Ташкенте в 1978 г. под эгидой Международного союза теоретической и прикладной химии при ЮНЕСКО. В его работе участвовали 2 тыс. человек из 28 стран мира⁵. Участники и почетные гости симпозиума отмечали высокий научный уровень его организации и достижения химической науки в Узбекистане.

В конце 1972 г. в Ашхабаде прошла Международная конференция ЮНЕСКО по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии. В столицу Туркмении съехались 300 деятелей науки из 23 стран⁶. В докладах советских ученых, в том числе специалистов из Узбекистана, был освещен вопрос о советском опыте развития национальных культур на базе разных языков, показана роль искусства в общественном развитии народов Средней Азии и т. д.

Для развивающихся стран огромное значение имеет проблема изучения и освоения засушливых областей. Ученые нашей республики внесли значительный вклад в разработку данной проблемы. В этой связи в Узбекистане силами ЮНЕСКО и узбекских ученых были организованы длительные курсы по подготовке специалистов из разных стран в области орошения и мелиорации засоленных почв. Расчеты советских ученых и успешный опыт Узбекистана в применении минерализованных вод для орошения на фоне глубокого дренажа были положены в основу работ международной опытной станции в Тунисе, созданной по инициативе и при участии советских ученых на средства ЮНЕСКО и ООН. Результаты пятилетних исследований станции показали, что при соответствующих условиях оросительные воды с достаточно высокой степенью минерализации позволяют получать удовлетворительные урожаи⁷.

⁴ ЮНЕСКО и современность. М., 1966. С. 103.

⁵ Текущий архив Президиума АН УзССР за 1978 г.

⁶ Торжество идей пролетарского интернационализма. М., 1974. С. 512.

⁷ Вестник Академии наук СССР. 1967. № 10. С. 13; Торжество идей пролетарского интернационализма. С. 510.

· Весьма важной проблемой для всех стран является изучение культурного наследия прошлого.

В 1978 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО предложила в связи с исполняющимся в 1980 г. 1000-летием со дня рождения Ибн Сины (Авиценны) воздать ему должное, отмечая огромное влияние его работ на последующее развитие науки во всех странах. В 1980 г. в Москве, Ташкенте, Душанбе состоялись торжественные заседания, а в Душанбе и Бухаре — международная конференция, на которых был освещен огромный вклад Ибн Сины в развитие философии, логики, социологии, литературы, точных, естественных наук, медицины.

Как говорил Генеральный директор ЮНЕСКО, «в Авиценне более чем в каком-либо другом мыслителе его эпохи подтвердилась изначальная истина, которая в определенном смысле является также сутью существования и деятельности ЮНЕСКО, а именно, что цивилизации имеют будущее друг в друге и вместе воссоздают единство нашей общей судьбы благодаря разнообразию»⁸.

По случаю 1000-летнего юбилея Ибн Сины ЮНЕСКО выпустила памятную медаль, на обороте которой на русском и латинском языках выбиты слова великого ученого-мыслителя: «Сотрудничайте ради благополучия и сохранения рода человеческого».

16—21 сентября 1985 г. в столице Казахстана Алма-Ате прошла конференция ЮНЕСКО на тему «Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в средние века». Основными организаторами ее выступили Советский комитет по изучению Центральной Азии АН СССР, Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР. Делегация Узбекистана была представлена 8 специалистами из 6 научных институтов. Среди них — акад. АН УзССР Г. А. Пугаченкова, чл.-кор. АН УзССР М. М. Хайруллаев, доктор ист. наук Р. Г. Мукминова и др. Их выступления вызвали большой интерес присутствующих.

1—6 октября 1983 г. в Самарканде состоялся симпозиум «Музыкальные традиции народов Ближнего и Среднего Востока», организованный Международным музыкальным советом ЮНЕСКО совместно с Национальным музыкальным комитетом СССР. В нем приняли участие более 600 человек — видные музыковеды и исполнители республик Советского Востока, многих азиатских стран, крупнейшие исследователи восточной музыки из ряда европейских государств, а также из США и Канады.

При огромном стечении зрителей прошли концерты певцов и инструменталистов Советского и зарубежного Востока. Исполнялись узбекские и таджикские макомы, арабские макомы, индийские раги и магрибские нуги, произведения современных композиторов.

Зарубежные гости познакомились с многогранной культурной жизнью узбекского народа. Делясь впечатлениями о днях пребывания в Самарканде, Генеральный секретарь Международного музыкального совета ЮНЕСКО Владимир Штепанек (ЧССР) в беседе с журналистами заявил: «Раньше история мировой музыки писалась с позиций европоцентризма. Наш совет, которому поручено руководить созданием многоэтапной истории мировой музыки, намерен создать документ с точки зрения равенства всех культур, и в этом смысле чрезвычайно полезным является самаркандский форум. Очень важен для нас опыт среднеазиатских республик, всех республик Советского Востока»⁹.

Действенным оружием в борьбе за торжество идей мира и дружбы между народами является кинематограф. Советское кино, отражающее огромные исторические преобразования в нашей стране, стало предметом пристального внимания и изучения зарубежных кинематографистов. И в этом большую помощь им оказывают ставшие традиционными

⁸ Курьер ЮНЕСКО. 1980. Ноябрь. С. 46.

⁹ Советский Узбекистан. 1984. № 2. С. 17.

Ташкентские международные кинофестивали стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Уже десять раз (с октября 1968 г.) собирались представители мирового киноискусства в столице Советского Узбекистана. Они обсуждают актуальные проблемы развития кино, обмениваются опытом, намечают планы дальнейшей совместной работы. Кинематографисты различных стран неизменно отмечают достижения киноискусства Советского Узбекистана.

В 1984 г. гостем Узбекской республики был Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду Махтар М'Боу. Он участвовал здесь в работе IV сессии Межправительственного совета Международной программы развития коммуникаций ЮНЕСКО, праздновании 2000-летия Ташкента, открытии памятника великому ученому средневековья Хорезми, воздвигнутого в Ташкенте в связи с 1200-летием со дня его рождения.

Генеральный директор ЮНЕСКО посетил ряд достопримечательных мест столицы Узбекистана, имел встречи и беседы с государственными и общественными деятелями республики. Встретившись с журналистами, А. М. М'Боу заявил:

«Искренне рад приезду в Ташкент. Работа Ташкентской сессии МПРК прошла успешно. Мне было приятно принять участие в торжествах по случаю юбилея города. В здании Ташкентского Государственного Университета, где обучаются юноши и девушки десятков стран Азии, Африки и Латинской Америки, я был удостоен высокого звания почетного гражданина Ташкента.

Жители столицы Узбекистана могут гордиться своими поистине историческими успехами во всех областях. Неузнаваемо изменились жизнь и облик Вашего города.

Современный Ташкент — один из крупнейших промышленных, научных, культурных городов Советского Союза. В то же время здесь отдают должное и изучению наследия древнейших мыслителей Востока, таких, как аль-Хорезми и другие. Я видел их труды, переведенные советскими учеными на современный узбекский, русский и другие языки народов СССР и изданные массовым тиражом.

Я считаю, что Ташкент вносит огромный вклад в укрепление всеобщего мира и взаимопонимания между людьми различных рас, политических и общественных взглядов, в развитие всеобщей культуры и сотрудничества»¹⁰.

В последнее время по линии ЮНЕСКО был проведен ряд новых важных мероприятий, в которых участвовал и Узбекистан.

Так, в сентябре 1986 г. ЮНЕСКО провела Международный симпозиум по теме «Использование источников народных танцев и их сценическая обработка». Местом его проведения был выбран Новгород. Узбекистан был представлен там фольклорным ансамблем Дворца культуры г. Бухары

В конце сентября 1986 г. в Москве прошло торжественное заседание, посвященное 800-летию «Слова о полку Игореве». Юбилей «Слова» отмечался во всем мире как большой праздник науки, просвещения и литературы. В резолюции Генеральной конференции ЮНЕСКО «О праздновании 800-летия «Слова о полку Игореве» подчеркивалось непреходящее значение этой бессмертной поэмы и заложенных в ней идей мира и гуманизма в развитии человеческой цивилизации. Будучи неотъемлемой частью мировой культуры, «Слово» занимает почетное место среди выдающихся произведений, входящих в золотой фонд всемирной литературы. На этом заседании участвовали и ученые, литературоведы из Узбекистана.

В октябре 1986 г. в Душанбе собрался международный семинар, подготовленный и созданный Бюро координатора ООН по оказанию помощи в случае стихийных бедствий (ЮНДРО) в содружестве

¹⁰ Там же. С. 8.

с ЮНЕСКО и рядом советских организаций. В его работе приняли участие ученые и специалисты более чем 40 стран и международных организаций, в том числе группа ученых и специалистов из Узбекистана во главе с директором Института сейсмологии АН УзССР, чл.-кор. АН УзССР О. М. Борисовым.

Таких примеров можно привести очень много. Они наглядно свидетельствуют об активном участии Узбекистана в крепнущих международных связях СССР по линии ЮНЕСКО, дальнейшее развитие которых отвечает кровным интересам борьбы всех народов планеты за мир и социальный прогресс.

Т. Р. Рахимбобоева, М. А. Фуломова

**ЮНЕСКО ДОИРАСИДА СССРНИНГ ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК АЛОҚАЛАРИДА
ЎЗБЕКИСТОННИНГ ИШТИРОКИ**

Мақола СССРнинг бу халқаро ташкилоти билан қилаётган ҳамкорлигида Ўзбекистон ССРнинг фаол қатнашаётганлиги аниқ мисолларда кўрсатилган.

К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова

А. Ф. ФАЙЗУЛЛАЕВ

ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ, МЫСЛИТЕЛЬ И ПОЭТ

1. **Жизнь и деятельность.** Исполнилось 275 лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова — гениального ученого-естествоиспытателя и мыслителя, крупного поэта и организатора науки, выдающегося просветителя, горячего патриота своей Родины.

М. В. Ломоносов родился 8 (19) ноября 1711 г. в маленькой деревне близ Холмогор, Архангельской губернии, в семье крестьянина-помора. Скончался он 4 (15) апреля 1765 г. в Петербурге, навсегда оставив глубокий след в мировой цивилизации.

Жизнь и творчество М. В. Ломоносова протекали в период, когда процесс укрепления Русского государства объективно нуждался в развитии естественнонаучной и технической мысли, в поиске естественных ресурсов для развивающейся промышленности, а особенно — в квалифицированных кадрах ученых, специалистов самого различного профиля.

Юный Ломоносов рос в одном из пробуждающихся в промысловоторговом отношении местечек севера страны. В нем с ранних лет зародилась страстная жажда знаний. Девятнадцатилетний Ломоносов уходит в Москву и поступает в Славяно-греко-латинскую академию, а затем в Киевскую духовную академию. Получив там определенное образование, он решил посвятить себя светским наукам. В Петербургской Академии наук он серьезно занимался математикой, физикой, химией. Далее свою квалификацию в области естественных наук он повышает в Марбургском университете, где создает первую, определяющую его основные интересы работу: «Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул, которую для упражнения написал Михайло Ломоносов, студент математики и философии, в 1739 году в марте месяце». Это была, собственно, работа из области физики, но речь в ней шла и о критике идеалистических позиций Лейбница и Вольфа.

В 1745 г. М. В. Ломоносов утверждается профессором химии (академиком) Петербургской Академии наук, где впервые в России он начал читать лекции на русском языке. Одновременно он вел исследования по истории России, риторике, научной грамматике русского языка, создавал мозаичные картины.

В 1755 г. по инициативе и проекту М. В. Ломоносова был открыт Московский университет. Через два года он был назначен советником канцелярии Академии наук.

В Академии наук М. В. Ломоносов вел фундаментальные исследования по физике, химии, геологии, горному делу, металлургии, мореходному делу, географии, метеорологии, астрономии, краеведению. Вместе с тем он создает основополагающие работы по различным областям гуманитарных наук.

Мировоззрение М. В. Ломоносова определяется исходя из сути выполненных им естественнонаучных наблюдений и исследований. По от-

ношению к основному вопросу философии М. В. Ломоносов — материалист. Но как сын своей эпохи он не смог выйти за рамки метафизического материализма, хотя и высказал ряд важных положений о движении материи, превращении веществ из одного состояния в другое.

Огромные заслуги М. В. Ломоносова в науке были высоко оценены выдающимися учеными его времени. Он стал академиком Петербургской Академии наук, членом Академии художеств, почетным членом Шведской и Болонской Академий наук.

2. **Всеобщий закон природы Ломоносова.** В одной статье совершенно невозможно охарактеризовать исключительные заслуги М. В. Ломоносова во многих отраслях науки. Здесь мы остановимся на открытии им «всеобщего закона природы».

В письме Леонарду Эйлеру от 5 июля 1748 г. М. В. Ломоносов выразил свое несогласие с существующими представлениями о соотношении массы, веса и плотности: «При попытках привести к достоверности начала химии и все, что широко распространено в области углубленной физики, мне преграждает путь общепринятое мнение, считающее у большинства аксиомой, что плотность связанной материи тел пропорциональна их весу. Что это справедливо для тел однородных я признаю без колебания;... Я изъявляю полное согласие, когда читаю у выдающегося мужа Исаака Ньютона: воздух удвоенной плотности в удвоенном пространстве делается четверным, в утроенном — шестерным;... Но не могу согласиться с высказываемым в конце общим заключением, что масса познается по весу каждого тела. Поскольку нельзя умозаключать от частного к общему, то и нет необходимости, чтобы то что справедливо утверждается относительно однородных тел, имел силу и для разнородных»¹.

М. В. Ломоносов выявляет здесь ряд противоречий:

- 1) противоречия в области применения метода индукции;
- 2) различие соотношения плотности, массы и веса в однородных и неоднородных веществах;
- 3) если в однородном теле центр тяжести фигуры идентичен с центром тела, то в разнородном — зависит от конфигурации частей тела;
- 4) углубляется само понятие «вес»: с возникновением основ классической физики появилось понятие «масса». Масса, согласно Ньютону, не вес и не материя, а мера материи, скорее мера инерции, сопротивление при переходе к движению от покоя и наоборот при переходе от движения к покою зависят от количества масс. Это было крупное достижение в доломоносовском естествознании. Однако М. В. Ломоносов не склонен был ограничиться этим свойством массы, прямо пропорциональной количеству веса.

Разбирая указанные противоречия, М. В. Ломоносов переходит к формулировке всеобщего закона природы: «Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-либо телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования, и т. д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им движному. Итак, в силу этого закона прибавившееся к телу В движение по направлению к телу А отнимается оттуда, откуда тело В приобретает это движение, т. е. от тела А. Но так как ни от какого тела нельзя отнять то, чего в нем нет, то необходимо, чтобы тело А двигалось, если оно притягивает тело В, и следовательно тело А, находясь в абсолютном покое, не может двигать другое тело

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 173—175.

В, а это противоречит доказанному выше. Таким образом, или чистое притяжение не существует в природе, или не является нелепостью, что одно и то же одновременно и существует, и не существует. Я принимаю первое, а второе предоставляю тем, кто рад чуть ли ни все явления объяснить одним единственным словом»².

Данная формулировка закона сохранения и изменения в отличие от иных формулировок содержит в себе большое количество следствий.

1. Закон сохранения Ломоносова стал важным звеном в развитии учения о принципе сохранения. В истории науки этот принцип поступательно развивался. Важное значение при этом имели взгляды Эмпедокла, Демокрита, Лукреция Кара, Эпикура, Беруни, Ибн Сины, Бэкона, Декарта, Гоббса; Спинозы, Лейбница, Ньютона. Основной характеристикой здесь был вес вещества. Дальнейшее развитие этот взгляд, особенно в сфере химических превращений, получил в трудах Дальтона и Лавуазье.

Роль Ломоносова здесь примечательна тем, что он впервые обобщил положения, вытекающие из областей механики, физики и химии в развитии принципа сохранения.

2. Нет изменения характеристик одного объекта, всякие изменения происходят в системе, состоящей минимум из двух объектов в областях материи, движения и времени.

3. Впервые ставится вопрос о том, что и «притяжение» в чистом виде отсутствует, оно связано с передачей «количества движения». Если Земля находится в покое, то не может сдвинуть тело; если Земля опустит тело, то тело должно соответственно «поднять» Землю. Причем смещение обратно пропорционально массе. Однако тело и Земля составляют систему; поскольку нет внешней силы, то центр масс системы «Земля—тело» не изменяет своего положения. Здесь-то и уловил диалектическое противоречие М. В. Ломоносов.

4. История науки показала, что М. В. Ломоносов не совсем прав, когда он, выступая против взгляда Ньютона, считает, что вес не пропорционален массе. Однако подход Ломоносова глубже в том отношении, что, если по Ньютону, природа разделена на отдельные механические тела и каждое из них может начинать движение по причине внешнего воздействия, а сама природа в целом — благодаря сверхъестественной силе, богу, то по Ломоносову, тело движется под воздействием другого тела, причем общее движение сохраняется, природа, чтобы двигаться, не нуждается в воздействии извне.

5. Часто полагают, что М. В. Ломоносов сформулировал «закон сохранения вещества» или «закон сохранения веса». Это не точно. Название закона надо оставить в том виде, в каком оно сформулировано самим М. В. Ломоносовым: «всеобщий закон природы», но подчеркивая, что эта формулировка соответствует уровню познания того времени.

Закон Ломоносова, будучи развитием взглядов на сохранение и изменение, получил дальнейшее выражение в законе сохранения и превращения энергии благодаря трудам Мейера, Джоуля, Гельмгольца, Томсона, Ленца, Гесса, Максвелла, Больцмана, Гиббса, Планка, Эйнштейна. В последнее время принцип сохранения проявляется в новейших формах: законы сохранения импульса — энергии, четности, странности и т. д.

Таким образом, закон Ломоносова стал важным звеном в цепи развития принципа сохранения с древнейших времен до наших дней.

Кроме закона Ломоносова, в мировой науке и технике общепризнанны и многие другие его выдающиеся открытия, а также созданные им приборы и инструменты, к которым относятся его аэродинамическая машина, барометр, инструменты для исследования вязкости, для наблюдения звезд, для определения времени, широты и долготы, измерения

² Там же. С. 183—185.

электрической силы, рефрактор, телескоп, полярная карта, лунный квадрант, компас, маятник и др.

3. Вопросы географии Средней Азии. В трудах М. В. Ломоносова встречается немало сведений, касающихся нашего Среднеазиатского региона.

М. В. Ломоносов, можно сказать, сформулировал метод определения гористости местности на основе учета направления течения рек. Он констатировал, что «каждой таковой горы главную вершину показывают первые начала и источники рек великих, так что, взглянув на чертеж земной, легко усмотреть оную можно. Из Азии Амур, Желтая и Синяя реки изливаются на восток в Тихое море; ...в Индийское — Гангес, Инд; ...в Ледовитое — Обь, Енисей, Лена; на запад Амур и Сыр в Аральское, между коими текут другие меньше, впрочем, великие реки. Все приняли начало с одной общей великой вершины горы Азии, т. е. от Тибета, коего краткое описание, поелику до нашего намерения надлежит, весьма здесь нужно»³.

В «Минеральном каталоге» Ломоносова есть раздел «Золотые руды и золото», где сказано: «Самородное золото наподобие чешуи, вымыто из речного песку. Сказывают, что взято оно на берегу реки Дарьи»⁴. Здесь имеется в виду, вероятно, Амударья, а может быть, Зарафшан. Значит, М. В. Ломоносову и людям его времени была известна золотосодержательность этого региона. И на вопрос, где в мире можно предполагать месторождения ценных руд, он приходит к выводу: «По сему основанию надежнее искать руд: 1) в косогорах, кои лежат около впадин не в дальном отстоянии от берегов озер великих, как Ладожское, Онежское, Байкал и другие; 2) около морей включенных, каково Каспийское, Аральское и прочие; 3) около морей полувключенных, каково Белое, Адриатическое; 4) в великих долинах, горами окруженных, какова в Перуанском королевстве провинция Квито, и таковым подобных местах, кои, по-видимому, суть впадины, окруженные каменными далече простирающимися горами, и в кои склоняются со сторон долины, долгие, с текущими в них или из них водами»⁵. Итак, еще раз упоминается Среднеазиатский регион, где также следует искать ценные руды.

М. В. Ломоносов с гордостью отмечает, что «Великие озера в Новой Франции изображают моря: Каспийское, Аральское, Байкал, Ладогу, Онегу и другие соленые и свежие воды, землями окруженные...»⁶

В произведениях М. В. Ломоносова встречается «Бухария» как целое государство⁷. Говоря «О земной поверхности», М. В. Ломоносов показывает большую зависимость климата среднеазиатских и других пустынь от гор, чем от географической широты, и здесь упоминает «Малую Бухарию»⁸.

По вопросу о том, меньшую или большую часть земной поверхности занимает песок, М. В. Ломоносов ведет следующие логические рассуждения:

«Едва ли меньшую часть, лишь бы еще не большую, земной поверхности занимает песок, ибо, рассудив великие песчаные пустыни, каковы суть в Ливии, в Нигриции, в Пустой Аравии, между Каспийским и Аральским морем, Коби и многие другие меньшие и нам неизвестные, посмотрим сверх того на берега вод, разливающихся по лицу земному, наполненных песками. Но ежели к сему присовокупить дно морское, имеющее право почитаться земною поверхностью, то великие мели, каковы суть между Англиею и Голландиею (сельдам от китов убежище), отмелье устья рек великих и купно записки мореплавателей,

³ Там же. Т. 5. С. 534.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Там же. С. 625.

⁶ Там же. Т. 6. С. 670.

⁷ Там же. Т. 5. С. 534.

⁸ Там же. С. 535.

кои почти везде достают на лоте песок со дна морского, не дадут нам усумниться, что большую половину земной поверхности песок занимает»⁹. Такое теоретическое суждение было высказано впервые М. В. Ломоносовым.

Большой интерес представляет и вопрос о соотношении генезиса гор и долин: «Ибо когда рождаются горы, должны купно происходить и доли, и напротив того, долин происхождение есть горам рождение. Разность, что в первом случае горы окружаются долинами, во втором — долины горами. Первое преимуществует на Землю, хотя немало есть великих вод, происшедших и от впадин, каковы, по-видимому, Каспийское и Аральское море, также обширные озера. Второе примечаем на Луне»¹⁰.

Как видим, М. В. Ломоносов проявлял немалый интерес к географии Среднеазиатского региона, своеобразию его природы.

4. **Благодарность поколений.** После смерти М. В. Ломоносова прошло более 220 лет. Однако его научные достижения, мысли и взгляды не только не утратили своей силы, а, напротив, с годами все полнее раскрывается их историческая роль в развитии естествознания, техники и технологии. Весьма поучительны его исторические исследования, гуманизм и патриотизм в воспитании молодежи.

Примечателен интерес Ф. Энгельса к научному творчеству М. В. Ломоносова. «Ф. Энгельс выписывает библиографические данные о М. В. Ломоносове и составляет список его трудов»¹¹.

Энциклопедизм М. В. Ломоносова ярко показал А. С. Пушкин: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минеролог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник... Первый углубляется в историю отечества, утверждает правила... языка его, дает законы и образцы классического красноречия, ...дарит художества мозаическими произведениями и, наконец, открывает нам истинные источники поэтического языка»¹². Он, говорил Пушкин, «был первым нашим университетом».

В. Г. Белинский справедливо отмечал: «С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим»¹³. Н. А. Добролюбов указывал, что «Ломоносов много сделал для успехов науки в России: он положил основание русскому естествознанию, он первый составил довольно стройную систему науки о языке»¹⁴.

Л. Эйлер говорил о М. В. Ломоносове: «Ныне таковые умы весьма редки, ибо по большей части остаются при одних опытах и нисколько не хотят о них рассуждать, другие же, напротив, пускаются в такие нелепые рассуждения, которые противны всем основаниям здравого естествознания»¹⁵.

М. В. Ломоносов занимался наукой не ради самой науки, его теоретические изыскания нацелены на нужды практики. Красноречиво сказал об этом Н. Г. Чернышевский: «Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству»¹⁶.

В свое время Ф. М. Достоевский назвал Ломоносова первым среди гениев: «Беспорных гениев, с беспорным «новым словом» во всей!

⁹ Там же. С. 541.

¹⁰ Там же. С. 584.

¹¹ Кедров Б. М. Три аспекта атомистики. Т. I. М., 1969. С. 270.

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XI. М., 1949. С. 32.

¹³ Добролюбов Н. А. Избр. философ. произв. Т. I. М., 1948. С. 160

¹⁴ См.: Ломоносов М. В. Соч. М., 1961. С. 11.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Эстетика и литературная критика // Избр. статьи. М., 1951. С. 248.

литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь»¹⁷.

Ученые не только учат, но и постоянно учатся сами. Это касается и самых выдающихся мыслителей. Как отмечал Л. Н. Толстой, «мы учимся у народа. Ломоносов, Державин, Карамзин — до Пушкина, Гоголя, и даже о Чехове можно это сказать, да и я»¹⁸. Л. Н. Толстой считал Ломоносова примером высокой учености. Как свидетельствует Д. П. Маковицкий, «от Софьи Николаевны и от Дубенской прислан мальчик с письмом... Этот мальчик, даровитый, из народа, хочет учиться, «стать человеком». Л. Н. таких называл Ломоносовыми»¹⁹. Из гущи народной вышел М. В. Ломоносов. Недаром другому гениальному выходцу из народа, М. Горькому всегда была особенно близка «колоссальная легендарная фигура выходца из «мужиков» — Ломоносова, поэта и одного из крупнейших ученых»²⁰.

Замечательным памятником гению М. В. Ломоносова стало собрание его сочинений в десяти томах²¹, изданное впервые в советское время (1950—1959 гг.) по инициативе его главного редактора, акад. С. И. Вавилова. Он писал: «Великий русский энциклопедист был в действительности очень целой и монолитной натурой. Не следует забывать, что поэзия Ломоносова пронизана естественнонаучными мотивами, мыслями и догадками и в некоторых случаях дает замечательные научно-дидактические образцы... Поэтому часто встречающееся сопоставление Ломоносова с Леонардо да Винчи и Гете правильно и оправдывается не механическим многообразием культурной работы Ломоносова, а глубоким слиянием в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков. Среди современников Ломоносова, живших и работавших в России, было немало «полигисторов», соединявших, например, математические исследования с работой над изданием летописей. Однако энциклопедизм этих людей вытекал из внешних требований, а не из внутренней потребности, как это было у Ломоносова»²².

Память о великом сыне русского народа свято чтит наша страна, все прогрессивное человечество. Яркое свидетельство тому — проведение широкого комплекса мероприятий, связанных с чествованием 275-летия со дня рождения М. В. Ломоносова. Этому знаменательному юбилею было посвящено состоявшееся 19 ноября 1986 г. в Большом театре Союза ССР торжественное собрание, в котором приняли участие Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и другие руководители партии и правительства. Среди собравшихся были и видные зарубежные ученые, лауреаты высшей награды Академии наук СССР — Золотой медали имени М. В. Ломоносова²³.

Участники собрания высоко оценили многогранный вклад М. В. Ломоносова в науку и культуру и подчеркнули, что бессмертный научный и гражданский подвиг его вдохновляет советских ученых на новые творческие свершения на благо нашего Отечества, давшего миру не только Ломоносова, но и многих других «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов», внесших бесценный вклад в мировую цивилизацию²⁴.

¹⁷ Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973. С. 319.

¹⁸ У Толстого (1904—1910)//Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. 1. М., 1979. С. 144.

¹⁹ Там же. Кн. 2. М., 1979. С. 379.

²⁰ Горький М. Собр. соч.: В 30 томах. Т. 24. М., 1953. С. 474.

²¹ Дополнительный, одиннадцатый том издан в 1983 г.

²² Вавилов С. И. Предисловие//Ломоносов. Т. I. М., 1940. С. 3.

²³ Пользуясь случаем, напомним, что была учреждена и премия АН СССР имени М. В. Ломоносова. Среди награжденных ею мы с удовлетворением отмечаем и известного ученого Узбекистана, акад. АН УзССР Х. А. Рахматуллина.

²⁴ См.: Правда. 1986. 20 нояб.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЯНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА, ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СССР И ГДР

(Сравнительно-правовой анализ)

Советское уголовное законодательство, как и законодательство других социалистических стран, в том числе ГДР, предусматривает ряд обстоятельств, смягчающих ответственность лица, совершившего противоправное посягательство на личность.

К их числу относится и совершение преступления в состоянии аффекта. Состояние это в законодательстве различных социалистических государств именуется по-разному. Так, в УК УзССР и других союзных республик, а также в УК СФРЮ оно определяется как внезапно возникшее сильное душевное волнение, в УК ВНР — как сильное душевное волнение, в УК ПНР — как сильное волнение, в УК НРБ — сильное раздражение, в УК ЧССР — сильное возбуждение, в УК СРР — сильное душевное волнение и сильные эмоции. В УК ГДР это состояние определяется как состояние сильного возбуждения, которое признается равнозначным аффекту.

Авторы учебника уголовного права ГДР, раскрывая природу этого состояния, пишут: «Аффект — это ограничивающая сознание, эмоциональная вспышка, которая выражает сильное возбуждение. Он выступает как бурный взрывной процесс в эмоциональной форме и внешне может проявляться в различных состояниях: ярость, бешенство, гнев, страх и т. д.»¹ Криминалисты ГДР Е. Мертль и Х. Х. Фрелих определяют аффект как эмоциональный взрыв сознания².

Состояние аффекта как признак состава преступления предусматривается § 113 УК ГДР (умышленное убийство), где говорится:

«1. Умышленное убийство человека наказывается лишением свободы на срок до десяти лет, если: лицо было не по своей вине приведено в состояние сильного возбуждения (аффекта) насилем, тяжкой угрозой или тяжким оскорблением его или близкого ему лица со стороны убитого, что и побудило его к убийству...»

Таким образом, диспозиция § 113 УК ГДР предполагает наличие чрезвычайных обстоятельств объективного характера, непосредственно обуславливающих возникновение аффекта, к числу которых относятся насиле, тяжкая угроза, тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего. Следовательно, состояние физиологического аффекта может быть вызвано как физическим, так и психическим насилем над личностью. К числу действий, представляющих собой физическое насиле, законодательство ГДР относит причинение ущерба здоровью человека, жестокое обращение с ним, причинение физической боли. Под психическим насилем понимается угроза совершить насильственное действие или огласить заведомо клеветнические, позорящие сведения³.

Особое содержание имеет понятие тяжкой угрозы, о которой идет речь в § 113 УК ГДР. Ее следует отличать от психического насилия. Под тяжкой угрозой понимается угроза совершения действий, ответственность за которые предусмотрена § 126 (Разбой), 127 (Вымогательство), 128 (Тяжкие случаи), 129 (Принуждение)⁴.

Относительно реже в качестве повода возникновения сильного возбуждения выступает тяжкое оскорбление. К тяжким оскорблениям в уголовном праве ГДР, как и в советском, относят, например, необоснованное обвинение в совершении преступления или глубоко аморальном поступке, особо циничное оскорбление и т. д. При этом оскорбление, о котором идет речь в § 113 УК ГДР, должно быть объективно тяжким и так же субъективно воспринятым виновным.

Соответствующие нормы Уголовного кодекса УзССР и УК других союзных республик тоже предусматривают в качестве одного из обязательных критериев признания умышленного убийства совершенным в состоянии аффекта неправомерное поведение потерпевшего, обусловившее возникновение такого состояния. Неправомерное поведение потерпевшего, согласно ст.ст. 82, 89 УК УзССР и соответствующим

¹ Strafrecht: Besonderer Teil. Lehrbuch. Berlin, 1981. S. 75.

² Mörtl E., Fröhlich H.-H. Affekt und Strafrechtliche Verantwortlichkeit// Studien zur Schuld. Berlin, 1975. S. 163.

³ Kommentar zum Strafgesetzbuch. Berlin, 1981. S. 317.

⁴ Там же.

щим статьям УК других союзных республик, выражается в противозаконном насилии, тяжком оскорблении, а по УК РСФСР — и в иных противозаконных действиях потерпевшего.

Несмотря на некоторые различия в характеристике действий потерпевшего в советском законодательстве и в УК ГДР, в основном их содержание совпадает. Эти действия должны быть неправомерными и представлять собой достаточно сильные раздражители, способные вызвать у субъекта состояние аффекта.

Нельзя не отметить, что к числу обязательных условий квалификации деяния по § 113 УК ГДР относится и то, что субъект оказался в состоянии сильного возбуждения (аффекта) не по своей вине, т. е. если он не давал какого-либо повода для неправомерных действий, совершаемых потерпевшим. Если же он своим неправомерным поведением дал повод для причинения ему насилия или нанесения оскорбления, то применение абз. 1 § 113 УК ГДР исключается. В УК УзССР и других союзных республик специальное указание на неспровоцированный характер действий потерпевшего отсутствует.

В отличие от конструкции ст. 82 УК УзССР и соответствующих статей других союзных республик, в § 113 УК ГДР отсутствует указание на обязательность такого признака, как внезапность возникновения аффекта, а следовательно, и внезапность совершения преступления. Однако анализ судебной практики ГДР свидетельствует о том, что умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного возбуждения, квалифицируется по § 113 УК только тогда, когда оно было совершено внезапно для виновного и, как правило, сразу же после неправомерных действий потерпевшего⁵.

Ст. 82 УК УзССР не содержит прямого указания на то, что действия потерпевшего, вызывающие состояние аффекта, могут быть направлены не только против субъекта, но и против других лиц. В этом отношении § 113 УК ГДР оказывается по своему содержанию ближе к ст. 104 УК РСФСР и соответствующим статьям некоторых других союзных республик, где говорится о действиях, которые «повлекли или могут повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких». В § 113 УК ГДР также содержится указание о том, что состояние аффекта может быть вызвано у субъекта противоправным поведением потерпевшего, направленным не только против него, но и против близкого ему лица.

В УК ГДР специально оговаривается возможность возникновения аффекта вследствие совершения потерпевшим противоправных действий в отношении знакомых субъекта или посторонних лиц. В этих случаях преступление квалифицируется по абз. 3 § 113 УК ГДР, где в общей форме идет речь о смягчении наказания в случае совершения умышленного убийства при наличии особых обстоятельств.

Преступление, отягченность за которое предусмотрена § 113 УК ГДР и ст. 82 УК УзССР, может быть совершено только умышленно, с аффектированным умыслом. В качестве мотива таких преступлений могут выступать ревность, страх, месть, обусловленная чувством возмущения, гнева, обиды. Последнее представляет собой сложное переживание, связанное с несправедливо причиненным огорчением, оскорблением, душевной болью.

Уголовный кодекс ГДР, в отличие от советского уголовного законодательства, выделяет лишь один самостоятельный состав преступления, совершаемого в состоянии сильного возбуждения, — умышленное убийство. В случае причинения личности в состоянии аффекта иного вреда, в частности телесных повреждений различной тяжести, деяние квалифицируется по соответствующей норме УК с применением § 14 УК ГДР, где идет речь о смягчении ответственности при особых обстоятельствах. Там сказано, что, если виновность правонарушителя вследствие наступившего не по его вине аффекта или иных особых объективных или субъективных обстоятельств, повлиявших на его способность принять решение, незначительна, то наказание может быть снижено в соответствии с принципами смягчения при особых обстоятельствах, а в случае совершения проступка возможен отказ от применения мер уголовной ответственности.

Отсутствие в УК ГДР специальной нормы об ответственности за причинение телесных повреждений в состоянии аффекта представляется нам определенным пробелом. Это не позволяет в должной мере учесть специфический характер и относительно меньшую общественную опасность подобных преступлений. В этом отношении предпочтительнее представляется советское уголовное законодательство, где в специальных нормах УК (например, в ст. 89 УК УзССР) предусматривается ответственность за причинение менее тяжкого или тяжкого телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), что в полной мере обеспечивает реализацию принципа дифференциации и индивидуализации наказания.

Своеобразно решается законодательством ГДР вопрос об ответственности за преступления, совершаемые в состоянии аффекта при превышении пределов необходимой обороны. Так, согласно абз. 2 § 17 УК ГДР, при превышении пределов необходимой обороны, если обороняющийся оказался в состоянии обоснованного сильного возбуждения и по этой причине вышел за пределы необходимой обороны, меры уголовной ответственности к нему не применяются.

Едва ли с таким законодательным решением данного вопроса можно полностью согласиться. Ведь состояние обоснованного сильного возбуждения, а равно совершение преступления при превышении пределов необходимой обороны сами по

⁵ Neue Justiz. 1975. N 4. S. 426—429.

себе являются обстоятельствами, смягчающими вину и ответственность, но не исключают ее. По-другому решается данный вопрос в советском законодательстве. Уголовный кодекс УзССР, как и УК других союзных республик, не содержит специальной статьи, предусматривающей ответственность за преступления в состоянии сильного душевного волнения, совершаемого при превышении пределов необходимой обороны. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от существенно опасных посягательств» дал специальное разъяснение по этому вопросу, согласно которому в подобных случаях преступление квалифицируется как совершаемое при превышении пределов необходимой обороны (ст. 84, ст. 90 УК УзССР и соответствующие статьи УК других союзных республик)⁶.

При сопоставительном анализе соответствующих норм уголовного законодательства СССР и ГДР обнаруживается различие в их санкциях. Так, за умышленное убийство, совершаемое в состоянии аффекта, УК ГДР устанавливает наказание более строго, чем советские УК. Например, умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения, согласно ст. 82 УК УзССР, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до двух лет. Согласно же абз. 1 § 113 УК ГДР, аналогичное преступление наказывается лишением свободы на срок до десяти лет, причем низший предел лишения свободы по советскому уголовному законодательству составляет три месяца, а по законодательству ГДР — шесть месяцев.

Сравнительный анализ норм уголовного законодательства СССР и ГДР об ответственности за посягательства на личность в состоянии аффекта позволяет, таким образом, выявить некоторые предпочтительные решения в нормах обоих УК, которые могут быть успешно использованы в процессе дальнейшего совершенствования этой отрасли законодательства обеих стран.

А. Б. Мельниченко

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. С. 9—13.

О ПОНЯТИИ УГОНА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

В первоначальной редакции Уголовного кодекса УзССР 1959 г. не было специальной нормы, предусматривающей ответственность за угон транспортных средств без цели хищения. В уголовном порядке эти деяния либо вообще не наказывались, либо, при наличии к тому соответствующих признаков, квалифицировались как хулиганство или по другим статьям УК. Во всяком случае, в судебной практике в случае угона транспортных средств без цели хищения широко применялся закон о мелком хулиганстве, а в результате многие лица, совершившие угон, фактически оставались безнаказанными.

Подобное положение не соответствовало реальной степени общественной опасности данного вида преступления, а потому Указом Президиума Верховного Совета УзССР 30 мая 1961 г.¹ в Уголовный кодекс УзССР была введена ст. 209² следующего содержания:

«Угон автомобиля, мотоцикла или другого вида транспорта при отсутствии признаков хищения — наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до ста рублей».

Указом Президиума Верховного Совета УзССР 31 июля 1975 г. ст. 209² УК была дополнена второй частью, предусматривающей, что «те же действия, совершенные повторно, наказываются лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года»².

Поскольку участились случаи угона, сопряженные с насильственными действиями в отношении водителей транспортных средств, Указом Президиума Верховного Совета УзССР 31 декабря 1982 г. ст. 209² была дана в новой редакции³. И, наконец, Указом Президиума Верховного Совета УзССР 31 октября 1985 г. в заголовке и тексте ст. 209² слова «автомототранспортных средств» заменены словами «транспортных средств». Статья состоит из трех частей, причем первая часть предусматривает ответственность за угон без цели хищения.

Согласно примечанию к ст. 208 УК УзССР, под транспортными средствами понимаются все виды автомобилей, транспортные самоходные машины, трамваи и троллейбусы, а также мотоциклы и другие механические транспортные средства.

В правилах, устанавливающих порядок дорожного движения на территории СССР, указывается, что под автототранспортным средством следует понимать транспортные средства, приводимые в движение двигателем, кроме велосипедов с подвесным двигателем и мопедов с рабочим объемом менее 49,8 см³. При этом имеются в виду именно те автототранспортные средства, которые подлежат регистрации в ГАИ МВД СССР.

¹ Ведомости Верховного Совета УзССР. 1961. № 6.

² Там же. 1975. № 22.

³ Там же. 1983. № 1. С. 1.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» под «самоходной машиной» следует понимать любые дорожные, строительные, сельскохозяйственные и другие специальные машины (экскаватор, грейдер, скрепер, автопогрузчик и т. п.)⁴.

Исходя из содержания ст. 209² УК УзССР, угон транспорта в отличие от его хищения характеризуется отсутствием у виновного стремления обратить угнанное транспортное средство в свою собственность либо распорядиться им или его частями в корыстных целях и, таким образом, обогатиться.

Новая редакция исследуемой статьи во 2 и 3-й частях предусматривает ответственность за угон, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, а также с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения указанных видов насилия.

К насилию, не опасному для жизни и здоровья потерпевшего, следует отнести побои, легкие телесные повреждения, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, а также иные действия, связанные с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы. К опасному для жизни и здоровья потерпевшего относится насилие, повлекшее причинение потерпевшему тяжкого телесного повреждения, менее тяжкого телесного повреждения, а также легкого телесного повреждения с кратковременным расстройством здоровья или незначительной стойкой утратой трудоспособности.

Если обратиться к тем общественным отношениям, которые нарушаются в результате угона, то можно видеть, что одновременно это преступление причиняет ущерб сразу нескольким из этих отношений. Так, при угоне нарушается право социалистической или личной собственности, а при квалифицированных видах угона объектом посягательства является и личность потерпевшего.

Данные статистики показывают, что угон транспортных средств часто сопровождается причинением материального ущерба, телесных повреждений, иногда даже смертью людей, а потому это преступление приобретает существенную опасность.

Признаки объективной стороны угона транспортных средств имеют значительное сходство с объективной стороной хищений. Исходя из этого, мы ссылаемся на работы ученых-юристов, исследовавших вопросы уголовной ответственности за хищения. В литературе для определения понятия «хищение» использовались самые различные термины. В большинстве определений общего понятия хищения используются термины «изъятие», «завладение», «обращение в свою пользу». Несмотря на некоторые различия, все эти термины в конечном счете отражают наиболее существенные черты, свойства, общие для различных видов хищения.

Однако термин «завладение», на наш взгляд, наиболее точно и полно характеризует угон транспортного средства. Завладение — это своего рода захват транспортного средства, его перевод в фактическое обладание виновного помимо воли и согласия владельца.

В законе не раскрывается содержание понятия угона транспортных средств. В юридической же литературе даются различные понятия угона. Так, под угоном транспортных средств понимают «захват транспортного средства для совершения поездки на нем»⁵; «незаконное умышленное, без цели хищения завладение (захват) чужим транспортным средством, путем незаконной поездки на нем»⁶. Под угоном понимают также «один из способов завладения, изъятия и перемещения транспортного средства с места стоянки»⁷ или «самовольное, т. е. без разрешения владельца завладение (захват) транспортным средством, а также его перемещение в пространстве, хотя бы на некоторое расстояние от места стоянки (буксировка, откаты в ванне на руках и т. д.)»⁸.

Прежде чем высказать свою точку зрения относительно угона транспортных средств, нам необходимо определить присущие этому виду преступления признаки.

Для угона необходимо физическое завладение транспортным средством, проще говоря, — прежде всего проникнуть в кабину. Необходима также поездка на захваченном транспортном средстве. Только при наличии этих двух условий транспортное средство будет фактически угнано, а следовательно, будет и состав угона транспортных средств.

⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. Ч. 2 М., 1978. С. 284.

⁵ Комментарий к УК БССР. Минск, 1966. С. 376.

⁶ Куринов Б. А. Автотранспортные преступления. М., 1970. С. 151—152. Широков В. Ответственность за угон автотранспортных средств // Социалистическая законность. 1983. № 5. С. 49—51.

⁷ Голощапов М. Признаки угона автотранспортных средств // Социалистическая законность. 1984. № 9. С. 54—55.

⁸ Ляпунов Ю. И. Угон автотранспортных средств // Преступления против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. М., 1970. С. 55; Лихолая В. А. Ответственность за угон средств механического транспорта по уголовному законодательству союзных республик // Ученые записки Латвийского государственного университета. Т. 188. Рига, 1973. С. 48.

Вместе с тем завладение транспортным средством только тогда будет преступным, если оно совершено незаконно. А это означает, что данное транспортное средство не должно принадлежать виновному либо членам его семьи, а также то, что этому лицу никто не разрешал пользоваться данным транспортным средством и оно не было вверено ему по роду занятий.

Таким образом, для угона характерно и то, что он совершается тайно от владельца транспортного средства, без его согласия и ведома. Поэтому не будет состава рассматриваемого преступления в случаях, когда лицо информирует владельца лично либо через других лиц о временном использовании его транспортного средства.

В этой связи надо сказать, что Андижанский городской суд правильно оправдал действия Т. по ст. 209² ч. 1 УК УзССР. Это обвинение было предъявлено ему исходя из того, что Т. взял у своего знакомого мотоцикл марки «Минск» во время его отсутствия дома, т. е. без его ведома. Однако суд установил, что когда Т. выводил мотоцикл со двора, он попросил сидевших около дома ребят, которых он знал, сказать хозяину, что взял мотоцикл на время. Судом также было установлено, что Т. и ранее несколько раз пользовался мотоциклом своего знакомого, который ему это разрешал. При таких обстоятельствах в действиях Т. не содержится состава угона, ибо нет заведомо тайного завладения транспортным средством⁹.

Для исследуемого преступления характерно незаконное пользование угнанным средством, хотя, как показывает судебная практика, в некоторых случаях преступники совершали угон транспорта и затем эксплуатировали его для извлечения материальной выгоды, после чего бросали. Будет ли в данном случае иметь место угон? Думается, что нет. Мотив и цели угона могут быть самыми различными: просто покататься, доехать до определенного места и т. д. Но если при этом преследовалась цель хищения либо иная корыстная цель, то угон исключается.

Поэтому нам представляется, что в диспозиции ст. 209² УК УзССР следует сделать указание на «временное пользование» транспортным средством при угоне, как это предусмотрено в УК ГрузССР, ЛатССР, ТаджССР, ЭстССР. Такое указание позволит более ясно определить объективную сторону данного преступления и цель виновного, что имеет важное значение для отграничения этого преступления от хищения и других составов.

Таким образом, угон транспортного средства без цели хищения можно определить как «незаконное умышленное завладение транспортным средством с последующим временным использованием его».

А. Усманов

⁹ Текущий архив Андижанского городского суда за 1982 г.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ СОВЕТОВ ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ (1946—1958)

В материалах XXVII съезда КПСС подчеркнуто огромное значение дальнейшего улучшения всей деятельности Советов народных депутатов в решении актуальных задач совершенствования социализма, всемерного ускорения социально-экономического развития страны.

Одним из важных факторов улучшения работы Советов является глубокое изучение и творческое использование богатейшего опыта советского строительства, накопленного в нашей стране, в том числе в Узбекистане.

Большого внимания, в частности, заслуживает изучение деятельности Советов в послевоенные годы, в период борьбы за полное и окончательное построение социализма в СССР.

Значительный интерес, например, представляет опыт совершенствования организационно-массовой работы Советов в рассматриваемый период, и прежде всего повышения роли сессий в успешном осуществлении Советами их функций.

Актуальность этой проблемы можно проиллюстрировать, скажем, на материалах, характеризующих деятельность Советов Ташкентской области УзССР периода 1946—1958 гг.

Изучение этих материалов показывает, что в первые послевоенные годы роль сессий во многих местных Советах явно недооценивалась. Так, с июля 1946 г. по июль 1947 г. в 12 районах Ташкентской области сессии прошли только по одному и лишь кое-где — по два раза. Например, дважды, вместо 12 раз, собирались на сессии местные Советы Чирчика и Янгиюля¹.

Исполкомы ряда местных Советов значительно сузили круг вопросов, выносимых на сессии. В организации их допускались формализм и парадность, нередко они проводились малосодержательно, без должной критики и самокритики, оставляя вне своего внимания многие важные вопросы хозяйственного и социально-культурного строительства².

Большим недостатком тех лет было то, что исполнительные комитеты областных Советов уделяли недостаточно внимания работе городских и районных испол-

¹ Ташоблгосархив, ф. 652, оп. 1, д. 698, л. 7.

² Там же, д. 620, л. 37.

нительных комитетов и особенно сельским и поселковым Советам, слабо обобщали положительный опыт их работы. Ташкентский областной Совет и его исполком тоже упускали из виду вопросы руководства организационно-массовой работой нижестоящих Советов. Так, из 470 решений, принятых ими за 5 месяцев 1947 г., ни одно не было посвящено советскому строительству³. Следует отметить также, что из этих 470 решений только 110 были обсуждены на заседаниях облисполкома, а остальные приняты в порядке опроса⁴.

Настойчиво добиваясь перестройки работы Советов в новых, мирных условиях, партия требовала последовательного осуществления принципа коллегиальности в деятельности Советов, коллективного решения насущных вопросов и на сессиях, и в исполкомах, повышения уровня организационно-массовой работы Советов.

В реализации этих установок партии важную роль призваны были сыграть организационно-инструкторские отделы исполнительных комитетов областных Советов. Так, в 1946—1947 гг. организационно-инструкторский отдел Ташоблисполкома осуществил ряд мероприятий по улучшению организационно-массовой работы местных Советов. Инструкторы отдела выезжали в районы области, где оказывали помощь в подготовке и проведении сессий Советов⁵.

Это положительно отразилось на качестве подготовки и проведения сессий в установленные Конституцией сроки. Если, как уже отмечалось, в 1946—1947 гг. в 12 районах Ташкентской области сессии местных Советов созывались по одному-два раза в год, то с 1 января по 20 июля 1951 г. в 4 городских и 18 районных Советах области было проведено 72 сессии⁶.

Но не сразу и не везде удалось преодолеть недостатки в работе Советов. В первой половине 50-х годов многие местные Советы, особенно сельские, все еще нарушали сроки созыва сессий; сохранялась оторванность их организационно-массовой работы от решения хозяйственно-политических задач.

В целях устранения этих недостатков Ташоблисполком проверил работу 6 городских, 23 районных, 122 сельских и 21 поселковых Советов за 1955 г. и результаты этой проверки обсудил на своих заседаниях⁷. Были проведены совещания с председателями райисполкомов и семинары с председателями сельских и поселковых Советов по вопросам советского строительства⁸.

Однако многие Советы, как подчеркивалось на XX съезде КПСС, все еще продолжали недооценивать роль самих масс, слабо привлекали их к активной советской работе по руководству хозяйственным и социально-культурным строительством.

Крупным недостатком в работе местных Советов тех лет была плохая организация контроля за выполнением решений предыдущих сессий. Эти вопросы редко обсуждались и на заседаниях исполнительных комитетов. В результате ряд решений оставались невыполненными. Например, Ташоблисполком принял в 1952 г. 1282 решения, но никаких данных о выполнении подавляющего числа их не имелось. За 5 месяцев 1953 г. Облисполком принял 586 решений, а обсудил на своих заседаниях ход выполнения лишь 8 из них⁹.

На работе сессий сказывалась также частая сменяемость председателей райисполкомов и сельсоветов. Так, в 17 районах Ташкентской области за 1951—1953 гг. сменилось 22 председателя исполкомов; в 1951—1952 гг. в 88 сельских и поселковых Советах (из 91 имевшихся тогда в Ташкентской области) сменилось 106 председателей¹⁰.

Заседания исполкомов перегружались большим количеством рассматриваемых вопросов. Скажем, Ахангаранский райисполком включал в повестку дня своих заседаний до 11 вопросов¹¹, Ташкентский облисполком на одном из заседаний рассмотрел 42 вопроса¹². Это отрицательно отражалось на подготовке и качестве принимаемых решений, контроле за их выполнением.

В первые послевоенные годы Советы, их сессии редко практиковали заслушивание отчетов своих исполкомов и нижестоящих Советов. Ташкентский областной и районные исполкомы, например, заслушивали отчеты о работе отдельных нижестоящих исполнительных комитетов лишь в период проведения сельскохозяйственных кампаний¹³.

Партийные органы, добиваясь перестройки работы Советов в условиях мирного времени, обратили внимание и на этот аспект их деятельности, указывая на необходимость обсуждения на регулярно созываемых сессиях отчетов исполкомов и нижестоящих Советов.

³ Там же, д. 898, л. 6.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 683, л. 340.

⁶ Там же, д. 1589, л. 96—103.

⁷ Там же, д. 3054, л. 20—26.

⁸ Там же, д. 2856, л. 12.

⁹ Там же, д. 2192, л. 49.

¹⁰ Там же, л. 54.

¹¹ Там же, д. 683, л. 16—17.

¹² Там же, д. 2192, л. 47.

¹³ Там же, д. 620, л. 57.

Положение стало постепенно выправляться, и, например, в 1952 г. на сессиях Советов Ташкентской области отчитались о своей работе 4 городских, 18 районных и 173 сельских исполнительных комитета¹⁴. Эти отчеты становились все более действенным средством контроля за деятельностью местных Советов и их исполнительных комитетов.

Важным направлением активизации и демократизации работы местных Советов в рассматриваемый период было совершенствование деятельности их постоянных комиссий как одной из форм привлечения трудящихся масс к управлению делами государства и общества. Как известно, В. И. Ленин видел главную силу Советов именно в том, что они полностью опираются на трудящихся и в результате привлекают «самым сильным образом всю массу к участию во власти»¹⁵. И в этом деле большую роль играют постоянные комиссии Советов.

В 1948 г. при местных Советах Ташкентской области действовала 1221 постоянная комиссия, в которых работали 4165 депутатов и 854 человека актива¹⁶. Но в деятельности постоянных комиссий тех лет имелись существенные недостатки: многие их члены лишь формально числились в составе комиссий, работали безынициативно, не выполняли конкретных поручений, не участвовали в заседаниях исполнительных комитетов

Так, в 1948 г. при проверке работы Ангренского горисполкома выявилось, что постоянные комиссии его фактически бездействовали и руководства ими со стороны горисполкома не осуществлялось¹⁷. Постоянная комиссия по местной промышленности Ташкентского облисполкома на заседании 10 марта 1952 г., подводя итоги своей деятельности за предыдущий год, отметила, что утвержденный план ее работы не выполнен, а депутаты — члены комиссии совершенно не принимали участия в ее деятельности¹⁸.

Эти и другие недостатки объяснялись прежде всего слабым участием постоянных комиссий в организационной деятельности Советов, сведением их роли к проверке и подготовке материалов для докладов на сессиях Советов и заседаниях исполкомов. В целях активизации работы нижестоящих исполкомов Ташоблисполком в 1948—1949 гг. организовал на местах проверки работы исполкомов с комиссиями и заслушивал отчеты исполкомов по этому вопросу на своих заседаниях¹⁹.

Усиление ответственности исполнительных комитетов за улучшение деятельности постоянных комиссий позволило повысить их активность в решении вопросов хозяйственного и социально-культурного строительства. Так, в поле зрения постоянной комиссии по народному образованию Ташоблисполкома находилась работа школ. По инициативе комиссии на заседаниях облисполкома и сессиях обсуждались важнейшие вопросы обучения и воспитания молодежи²⁰. Большую заботу об улучшении дела народного образования и культурно-просветительной работы среди трудящихся проявляла постоянная комиссия по народному образованию и культурно-просветительной работе Беговатского (Бекабадского) городского Совета²¹.

Активизировалась и деятельность постоянных комиссий многих других местных Советов, расширялся их актив, повышалась их роль в принятии и выполнении решений по насущным вопросам развития народного хозяйства и культурного строительства. Например, постоянная комиссия по промышленности Куйбышевского районного Совета г. Ташкента объединяла 15 депутатов — рабочих и инженерно-технических работников. Члены комиссии были закреплены за определенными предприятиями, систематически посещали их, вникали в экономику производства, содействовали в выявлении и использовании резервов²².

Совершенствование и усиление организационно-массовой работы Советов, укрепление их связей с трудящимися во многом зависят от активной деятельности депутатов.

Надо сказать, что в рассматриваемый период в деятельности депутатов местных Советов имелось немало недостатков, которые выражались в слабой связи с избирателями, в нерегулярных отчетах перед ними, хотя каждый депутат обязан отчитаться перед своими избирателями 2 раза в год. В 1952 г., например, по Ташкентской области из 4666 депутатов городских, районных, сельских и поселковых Советов отчитались лишь 2128 депутатов, а депутаты областного Совета вообще не отчитывались перед избирателями. Особенно плохо обстояло дело в этом отношении в Хавастском районе, где ни один депутат местных Советов не отчитался перед избирателями²³.

¹⁴ Там же, д. 2491, л. 4.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 319.

¹⁶ Ташоблгосархив, ф. 652, оп. 1, д. 1005, л. 3—7.

¹⁷ Там же, д. 683, л. 1.

¹⁸ Там же, д. 1482, л. 14.

¹⁹ Там же, д. 683, л. 5, 16—17, 68, 83, 163, 165.

²⁰ Там же, д. 1487, л. 6.

²¹ Багдасаров Ю. М. Активные органы Советов депутатов трудящихся. Ташкент. 1959. С. 23.

²² Бабков И. В., Каменецкий Б. Е. Советы депутатов трудящихся — политическая основа СССР. Ташкент. 1961. С. 31—32.

²³ Ташоблгосархив, ф. 652, оп. 1, д. 2491, л. 4.

В дальнейшем, с принятием партий действенных мер по улучшению деятельности Советов и усилению их связей с массами, особенно после XX съезда КПСС, положение с отчетностью депутатов стало постепенно улучшаться.

Курс партии на укрепление и расширение социалистической демократии, качественное улучшение всей деятельности Советов способствовал значительному оживлению их работы, в том числе в Узбекистане. Под руководством Коммунистической партии они все более активизировали свои функции по руководству хозяйственной, общественно-политической, культурной жизнью республики. И хотя в их деятельности имелись еще различные недостатки и упущения, в целом они внесли достойный вклад в общее дело полного и окончательного построения социализма в нашей стране.

Д. С. Урдашев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ШЕЛКООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТУРКЕСТАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Присоединение к России, как известно, объективно повлекло за собой изменение во всех сферах экономической жизни Средней Азии. Коснулись они и такой важной отрасли сельского хозяйства края, как шелководство.

В рассматриваемый период шелководное дело в Туркестане носило кустарный характер. Выработкой шелка занимались кустари-шелкоразмотчики (пилякчи). Шелкомотальные мастерские, как правило, размещались в домах их хозяев-мастеров (уста), под присмотром которых работало несколько человек. Все оборудование шелкомотальщика состояло из глиняного очага и нескольких своеобразных деревянных станков, с помощью которых производились запаривание и размотка коконов. При хорошей работе один станок разматывал в день 3 фунта шелка, при средней — 2, плохой — 1,5¹.

Заработная плата в разных местностях была различной. Так, в Самарканде за батман (10 пудов) шелка работник получал 8 руб. при своих харчах и 4 руб. при хозяйском содержании². В Ташкенте за один фунт шелка получали по 25 коп.

Шелкоразмоткой в Туркестане занимались в основном мужчины. Женщины также разматывали шелк, но уже из остатков от вымотки, а также из коконов плохого качества. Это занятие было некогда преобладающим среди женского населения. Так, О. А. Сухарева сообщает, что размоткой шелка в Бухаре в начале XIX в. занимались женщины, а в конце века это занятие перешло целиком в руки мужчин³. Но в некоторых районах Средней Азии (Амударьинский отдел) оно оставалось преимущественно женским и в конце XIX в.⁴

Насколько высоко было мастерство шелкомотальщиков, свидетельствуют, в частности, результаты выставки сельскохозяйственных и промышленных изделий в Ташкенте 1890 г. Среди 49 экспонатов, представленных там по отделу шелководства, 6 были отмечены бронзовой медалью. Их получили мастера из Ходжента, Коканда, Намангана и Маргилана. Остальные экспонаты удостоились похвальных отзывов⁵.

Размоткой занимались во всех шелководческих районах Туркестана, но основным производителем шелка была Ферганская долина, дававшая 80% продукции. Так, за 1890—1894 гг. по двум уездам Ферганской области (Маргиланскому и Кокандскому) было размотано 15 735 пуд. шелка-сырца⁶. За 1892—1907 гг. по пяти уездам области число шелкомотален составило 2844, рабочих — 7835 человек, а сумма производства — 1 996 132 руб.⁷

Эта продукция шла прежде всего на местное потребление, для нужд ткацкой промышленности, а потому шелк, вывозившийся в Россию и другие страны, не был приспособлен к требованиям европейских фабрик. Развитие туркестанского шелководства диктовало необходимость создания собственной шелкомотальной промышленности. Из 94 тыс. пуд. шелка-сырца, требовавшихся к началу XX в. для русских шелкоткацких фабрик, 77 тыс. пуд. доставлялось из-за границы⁸.

Колониальная администрация Туркестана осознавала реальное положение шелководства и предпринимала некоторые усилия по созданию здесь шелкомотальной промышленности. Уже в начале 70-х годов туркестанский генерал-губернатор обра-

¹ Петровский Н. Ф. О шелководстве и шелкомотании в Средней Азии: Отчет Министерству финансов агента в Туркестанском генерал-губернаторстве. М., 1873. С. 83.

² Там же. С. 95.

³ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX вв. Ташкент, 1962. С. 70.

⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 14а, л. 25 об.

⁵ Туркестанские ведомости. 1891. № 4.

⁶ ЦГА УзССР, ф. И-19, оп. 1, д. 24654, л. 14.

⁷ Подсчитано по кн.: Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. I. Отдел II. СПб., 1911. С. 167.

⁸ Пажитнов К. А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. М., 1958. С. 25.

тился в Московский комитет шелководства с письмом, в котором просил обсудить вопрос о туркестанском шелководстве и указать на те меры, которые способствовали бы его развитию. Комитет ответил готовностью помочь в этом деле и в течение нескольких своих заседаний разработал большую программу мероприятий. В это же время в Москве — главном шелковом рынке — образовалось товарищество из крупных капиталистов, цель которого состояла в том, чтобы, как писала в те дни газета «Туркестанские ведомости», обратить всю производительность шелководства Туркестанского района на пользу русской промышленности и устранить зависимость его от иностранных рынков⁹. Капитал товарищества определялся на первых порах в 200 тыс. руб.

Еще ранее на страницах «Туркестанских ведомостей» появилась обстоятельная статья Н. Раевского «О мерах для развития и улучшения шелководства в Туркестанском крае», где он, указав на причины, сдерживающие развитие шелководства, изложил свою программу конкретных мер по его реорганизации¹⁰. Эти меры включали, в частности: устройство в различных шелководческих центрах Туркестана школ шелководства и шелкомотания; учреждение в Ташкенте или Самарканде ежегодных выставок образцов шелка и коконов с назначением премий за лучшие из них. Предлагалось также обратиться к петербургскому и московскому купечеству с приглашением устроить здесь шелкомотальные фабрики и желающим из них предоставить некоторые льготы и преимущества.

В 1873 г. была открыта школа шелководства, просуществовавшая десять лет. Одной из главных задач ее было обучение местных шелководов улучшенным способам размотки шелка. За скорейшее введение европейского способа размотки высказывался член-корреспондент Московского комитета шелководства Кондратьев, а поставщик заграничной грены в Туркестане Алонзи отмечал, что успех в шелководстве наметился лишь при открытии в крае паровых шелкомотальных фабрик¹¹. В 1896 г. Совет туркестанского генерал-губернатора вынес решение о выписке четырех улучшенных шелкомотальных станков для предприятий Ходжентского, Ошского, Андижанского и Наманганского уездов, на приобретение которых выделялась необходимая сумма.

Во второй половине XIX в. в Туркестане создаются частные шелкомотальные фабрики. Наиболее значительными из них были семь, основанные в 1867—1872 гг.¹² Первая в крае шелкомотальная фабрика по европейскому образцу была открыта в Ходженте Хлудовым. Размотка шелка первоначально производилась на 23 станках системы Крипнера, а в дальнейшем, ко времени закрытия фабрики (1869 г.), количество их возросло до 53 станков, из которых 12 были системы Робине. За станками работали местные жители — мальчики, разматывавшие шелк под наблюдением мастера. У Хлудова их насчитывалось 200 человек. Каждый рабочий зарабатывал в день в среднем от 45 до 60 золотников шелка и получал независимо от результата 30 коп.¹³

В 1869 г. там же была основана фабрика Зуева, на устройство которой было выделено 2 тыс. руб. Масштабы ее были значительно меньше. Работало всего 10 шелкомотальных станков системы Робине, а небольшое число рабочих получало за труд также не более 30 коп. в день. Фабрика эта действовала недолго.

В 1868 г. в Ташкенте была основана шелкомотальня И. Первушина¹⁴, просуществовавшая 3—4 года, а затем — предприятие Михайлова и Гурде. Относительно заведения Первушина известно, что оно было лучше остальных. Наряду с местными там работали 40 русских мальчиков, привезенных из России.

Шелкомотальня Михайлова и Гурде была основана на казенную ссуду в сумме 5 тыс. руб., выданную местной администрацией. Работали здесь на станках системы Крипнера и самого Гурде. Шелкоразмотчиками были местные жители, получавшие на первых станках от 30 до 45 зол. шелка, на вторых — 70 зол. Надо сказать, что фабрика действовала с заметным успехом. Шелк, полученный там, не уступал в цене лучшим образцам, представленным на рынке, и продавался по 380—425 руб. за пуд, а посланный как-то на московскую политехническую выставку был оценен в 420 руб. Хозяева фабрики, прибывшие на выставку, были награждены большой серебряной медалью за образцы шелка и чертежи шелкоразмотных станков, использовавшихся в их заведении¹⁵.

В 1871 г. в Ташкенте открыл шелкомотальное заведение Н. Раевский, а в июне 1872 г. в счет ссуды в 3 тыс. руб., выданной местной администрацией, основал свое заведение Фадеевичев. Первая фабрика действовала 8 месяцев, вторая — 3. За все время работы на фабрике Раевского было получено более 6 пуд. шелка из 44 с лишним пудов коконов, купавшихся в Ходженте по 42 и 45 руб. за пуд, а у Фадеевичева — свыше 4 пудов.

О другом шелкомотальном заведении в 1897 г. сообщали «Туркестанские ведомости»: «В 4 верстах от Коканда в кишлаке Ташкент-Гузар торговым домом

⁹ Туркестанские ведомости. 1872. № 48.

¹⁰ Там же. 1871. № 1.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 14а, л. 4.

¹² Петровский Н. Ф. О шелководстве и шелкомотании в Средней Азии.

¹³ Там же.

¹⁴ Туркестанские ведомости. 1872. № 47.

¹⁵ Там же. 1873. № 11.

М. Атабекянц и К^о возле своего хлопкоочистительного завода построен усовершенствованный шелкомотальный завод с 52 бассейнами, с отдельными приспособлениями для кручения шелка»¹⁶. Размотку шелка здесь предполагалось начать весной 1897 г. с последующим расширением дела по мере привлечения рабочей силы. Причем в основном ее должны были составить дети и женщины, труд которых оплачивался значительно дешевле мужского и, таким образом, был более выгодным.

Фабрики, основанные частными предпринимателями, как видим, существовали недолго, в силу ряда причин, среди которых были и новизна дела для многих из них, желание как можно скорее получить прибыль не только от шелкомотания, но и от других предприятий, которыми одновременно занялись владельцы фабрик, а также отсутствие квалифицированной рабочей силы и т. д.

Таким образом, в сфере первичной обработки шелка-сырца в Туркестане в рассматриваемый период можно отметить существование двух видов производства — кустарной шелкообрабатывающей промышленности и фабричной, представленной частными шелкомотальными заведениями. Появление и деятельность фабрик способствовали распространению в крае улучшенных приемов шелкомотания и усовершенствованных шелкоразмотных станков.

Во второй половине XIX в. в Туркестане появляется коконосушильная промышленность. Поскольку замаривание коконов было необходимо для дальнейшей обработки шелка, то оно практиковалось наряду с шелководством с давних времен. После присоединения Туркестана к России здесь возникли специальные коконосушильные заведения, занимавшиеся замариванием коконов. Первое заведение нового типа было основано в Скобелеве (Фергана) в 1898 г.¹⁷ В 1907 г. появляется сразу пять таких предприятий, причем большинство из них — в Скобелевском уезде, а в 1908 г. — еще пять, но уже в Кокандском уезде.

Рост коконосушилен шел довольно быстро и в последующие годы. Так, с 1910 по 1914 г. в Туркестане было открыто 6 новых предприятий, причем одно из них — в Самаркандской области, где ранее их не было вовсе.

Всего же до 1914 г. в крае было основано 28 коконосушильных заведений, большинство которых, за исключением одного, находились на территории Ферганской области. Общая сумма производства их достигла в 1913 г. 3.136.814 руб.¹⁸ Предприятия с оборотом от 50 до 100 тыс. руб. преобладали в Скобелевском уезде, а в Намангане этот тип коконосушильных заведений был единственным. К этой же группе относились предприятия Ходжента. Предприятия средних размеров сосредоточивались главным образом в Кокандском уезде, крупные же, с оборотом свыше 150 000 руб., имелись в этом, а также в Скобелевском уездах. Из всех предприятий 30,5% составляли мелкие, 35,5% — средние и 34% — крупные¹⁹. Вся продукция коконосушильных заведений Туркестана отправлялась за границу и в Центральную Россию (Москву).

Работа этих заведений носила сезонный характер и велась лишь в летнее время. Работали в одну смену, средней продолжительностью 10,5 часа, и только в Скобелеве она равнялась 9 часам. Число рабочих в коконосушильных заведениях было довольно значительным, что объяснялось непродолжительностью сезона и необходимостью быстрого замаривания и сушки коконов. Наиболее распространенными были предприятия с числом рабочих от 50 до 100 человек, большая часть которых находилась в городах Скобелевского и Кокандского уездов. В 9 заведениях отмечалось менее 50 человек, но немало было и предприятий с числом рабочих более 100, а в двух из них зарегистрировано свыше 200 человек. В среднем по области число рабочих колебалось от 30 до 212 человек на одно предприятие.

Говоря о составе рабочих коконосушильной промышленности Туркестана, следует отметить главенствующую роль женского труда. Если ни в какой другой отрасли не наблюдалось участия женщин местной национальности в производстве, то здесь они составляли 56,5% всех рабочих²⁰. Объяснялось это тем, что шелководство в Средней Азии было исконно женским занятием, и, как сообщают В. В. Заорская и К. А. Александер, первые предприниматели в области шелководства настойчиво добивались привлечения к этому труду женщин, создавая для них специальные условия (изолированные помещения, например). Только в одной ходжентской коконосушильне работали исключительно мужчины, во всех же других уездах число женщин-работниц превосходило мужчин. Заработная плата их была гораздо ниже, чем у мужчин.

Относительно национального состава рабочих надо заметить, что это были исключительно представители местных национальностей.

В целом развитие данной отрасли способствовало оживлению местного шелководства, увеличению объема его продукции. В 1914 г. отрасль занимала по общей сумме производства пятое место в промышленности Туркестана. Однако подлинное ее развитие началось лишь после победы Великого Октября, открывшей

¹⁶ Там же. 1897. № 25.

¹⁷ Заорская В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. С. 185.

¹⁸ Там же. С. 186.

¹⁹ Там же. С. 189.

²⁰ Там же. С. 197.

широкие перспективы для крутого подъема не только шелководства, но и всего народного хозяйства края, ставшего органически составной частью единого народнохозяйственного комплекса страны.

С. Х. Атакузиева

ХИМИЧЕСКИЕ СОСТАВЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ СТЕКОЛ АФГАНИСТАНА

Благодаря своему географическому положению Афганистан уже в далеком прошлом был связан со многими центрами древней цивилизации. Через него проходили крупные международные караванные пути. В античный период большая часть территории Афганистана, Индии и Средней Азии входила в единое государственное образование — империю Великих кушан (I—IV вв.). Тесное взаимодействие народов наложило определенный отпечаток на развитие их ремесла, культуры и науки.

В городах Афганистана с древних времен развивались многие ремесленные производства, в том числе стеклоделие. Стекланные изделия найдены в разных районах Афганистана. В ходе работ советской и французской археологических экспедиций с участием афганских специалистов стекланные изделия были обнаружены на многих памятниках Афганистана: Ай-Хануме, Беграме, Сурх-Котале (I в. до н. э.—I в. н. э.), Тилля-тепе (I в. до н. э.—I в. н. э.), Дильберджин-тепе (II—III вв.), Ак-Купруке I (III—IV, V—VI, до XIII в.) и Ак-Купруке II (до XIII в.), Кона-Масчита (IV—VII вв.), Шамшир-Гаре (V, VII, X вв.), Хазар-Гусфанде (раннеисламский период), Балхе (раннесредневековый период) и др. Однако обобщающих и систематизирующих работ по стеклоделению Афганистана пока нет. Это относится и к химическому исследованию афганских стекол древнего периода.

Первые попытки химического изучения древних стекол из пещеры Шамшир-Гар (в 25 км ю.-з. г. Кандагар) были предприняты Дюпрее¹. Это были количественные спектрографические анализы 18 образцов стекол. Правда, результаты анализов приводятся не в реальных количествах, а в цифрах некоторой шкалы, более или менее приближающихся к реальным количествам.

В 1964 г. Е. V. Saugé (Сейр) опубликовал анализы стекол, найденных в Беграме. По его мнению, их завезли с Запада, возможно из Сирии².

В 1972 г. Р. Х. Брилл из Исследовательского центра стекла в Корнингe (США) опубликовал химические анализы 10 образцов стекла из пещеры змей Ак-Купрука I, пещеры лошади Ак-Купрука II, средневекового памятника Хазар-Гусфанд. В отличие от прежних анализов в этой работе основные стеклообразующие компоненты стекла: Na_2O , K_2O , CaO , MgO , Al_2O_3 — определены химическим — атомно-адсорбционным методом, SiO_2 — по разности, а остальные окислы — спектроскопическим анализом. Исследователь отмечает большое сходство и связь анализируемых стекол с материалами из Средней Азии³.

В 1982 г. французский профессор П. Бернар и сотрудник французской Археологической миссии в Афганистане Olivier Guillaume передали нам для анализа стекланные изделия из Сурх-Котала, Кона-Масчита и Балха, за что приносим им нашу искреннюю благодарность. Тогда же были получены образцы стекол из Тилля-тепе и Дильберджин-тепе. Из-за ограниченности веса образцов стекол из Сурх-Котала и Балха анализы удалось выполнить лишь спектрографически.

Таким образом, в настоящее время источниковедческая база химико-аналитических исследований стекол Афганистана располагает 15 химическими и 24 спектрографическими анализами образцов из 9 памятников. Полученные результаты приведены в табл. I. Отнесение стекол к тому или иному химическому типу осуществлено по содержанию главных стеклообразующих окислов, присутствующих в каждом образце в количестве 3% и более.

Как видим, химический и спектральный анализ (несмотря на приблизительность результатов последнего) указывают на распространенность на территории Афганистана стекол восьми химических типов. Из них первые пять представлены более широко.

Стекла первого химического типа бытовали в Афганистане недолго, в пределах I в. до н. э.—I в. н. э., и выявлены только на двух памятниках — Тилля-тепе и Сурх-Котале. Наиболее широко распространены были стекла второго химического типа, состоящего из пяти стеклообразующих компонентов. На территории Афганистана он выявлен в 9 пунктах, начиная с I в. до н. э.—I в. н. э. по XIII в. н. э. К нему относятся 13 образцов из всех 39 анализированных стекол.

¹ Dupree Louis. Shamshir Ghar: historic cave site in Kandahar province, Afghanistan. Vol. 46. Part 2//Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y., 1958. P. 154, 289, 290.

² Brill Robert H. Report on Chemical analyses of some glasse from Afghanistan//Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 62. Pt. 4 (1972). P. 51.

³ Там же. С. 51—53.

⁴ Там же. С. 52—53.

Химические типы древних и средневековых стекол Афганистана

№№	Химические типы стекол	По данным химического анализа		По данным спектрального анализа		Общее количество анализов, входящих в данную группу
		памятники и их датировка	количество анализов	памятники и их датировка	количество анализов	
1	$\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$	Тилля-тепе (I в. до н. э.—I в. н. э.)	1	Тилля-тепе (I в. до н. э.—I в. н. э.)	1	3
				Сурх-Котал (I в. до н. э.—II в. н. э.)	1	
2	$\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$	Дильберджин-тепе (II—III вв.)	3	Сурх-Котал (I в. до н. э.—II в. н. э.)	2	13
				Кона-Масчит (IV—VII вв.)	1	
				Ак-Купрук I (III—IV вв.)	1	
				Ак-Купрук I (V—VI вв.)	1	
				Ак-Купрук I (раннеисламский период—до XIII в.)	1	
3	$\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$	Ак-Купрук I (III—IV вв.)	1	Шамшир-Гар (раннеисламский, X в.)	1	4
				Хазар-Гусфанд (раннеисламский, ?)	1	
				Ак-Купрук II—пещера лошади (раннеисламский—до XIII в.)	1	
4	$\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$	Ак-Купрук I (III—IV вв.)	1			2
				Ак-Купрук I (V—VI вв.)	1	
5	$\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{SiO}_2$	Ак-Купрук I (III—IV вв.)	1	Шамшир-Гар (раннеисламский, X в.)	2	4
				Ак-Купрук I (раннеисламский—до XIII в.)		
	$\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{Fe}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$			Шамшир-Гар (кушанский, V в.)	2	11
				Шамшир-Гар (сасанидский, VII в.)	1	
				Шамшир-Гар (раннеисламский, X в.)	8	
8	$\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{Fe}_2\text{O}_3-\text{Mn}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$		15	Шамшир-Гар (раннеисламский, X в.)	1	1
				$\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{Fe}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$		
Всего:		Памятников—9 (I в. до н. э.—XIII в. н. э.)	15		24	39

Значительное распространение имеют стекла третьего химического типа. Они встречены (по одному экземпляру) на четырех памятниках, датируемых с III—IV по XIII в. н. э. Стекла четвертого типа малочисленны и зафиксированы лишь на Ак-Купруке I в двух одновременных слоях с III по V в. н. э. Пятый состав также встречается мало — среди материалов из Ак-Купрука I (в двух слоях) и Шамшир-Гара. Шестой, седьмой и восьмой химические типы обнаружены только на одном памятнике — Шамшир-Гаре, начиная с кушанского по средневековый период (X в.).

Стекла каждого типа имеют свою историю, они вырабатывались в определенных странах, а затем распространялись в других регионах.

Первый химический тип: $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$ — один из наиболее древних. Такие стекла вырабатывались в Древнем Египте в период XX династии (1200—1090 гг. до н. э.), в Индии (с V в. до н. э.) и чуть позже — в древнеримских поселениях. Однако по количественному содержанию химических компонентов анализированные стекла более близки к древнеиндийским. Они сходны, но не тождественны. Возможно, этот рецепт первоначально проник на территорию Афганистана из соседней Индии и здесь получил свое развитие в исторически короткий период — I в. до н. э.—II в. н. э. Этот состав встречен и в Северной Бактрии — в Дальварзинтепа обнаружено три стекла, датируемых периодом I в. до н. э.—I в. н. э.

Основными для древнего периода Афганистана были, видимо, стекла второго химического типа — $\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$. Как видно из табл. 1, они обнаружены на 6 памятниках, расположенных в разных пунктах Афганистана, и хронологически охватывают большой промежуток времени — с I в. до н. э. до XIII в. н. э. Этот состав своими корнями также уходит в древнюю Индию. Подобные стекла встречены по одному экземпляру (бусы) — в Клаузамби (II в. до н. э.—II в. н. э.) и Арикамеду (V в. н. э.)⁵. Однако по процентному содержанию отдельных химических компонентов они резко отличаются от афганских. Такие стекла гораздо шире представлены в Средней Азии: они выявлены нами среди стекол из Старой Нисы (II в. до н. э.), Старого Термеза (II в. до н. э.), Дальварзинтепа (I в. до н. э.—I в. н. э.), Балалыктепа (V—VI вв.) и Афрасиаба (доарабские слои, начало VIII в.). Однако они заметно отличаются по содержанию главных компонентов. Возможно, этот состав возник первоначально под влиянием южных, или, что более вероятно, северных соседей, а потом на месте вносились значительные коррективы в соответствии с особенностями местных сырьевых ресурсов.

Третий химический тип — шестикомпонентный — $\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$. Такие стекла обнаружены на трех памятниках Афганистана. Наиболее древние образцы найдены в пещере змей Ак-Купрука I (III—IV вв.), а более позднего времени — в Хазар-Гусфанде, Ак-Купруке II и Шамшир-Гаре.

Подобные стекла, но более раннего времени (XIV, II—I вв. до н. э.), в четырех экземплярах встречены в Древнем Египте и в одном экземпляре — в Таксиле (Индия) в слоях IV—III вв. до н. э.⁶ В иных регионах древнего мира они пока не выявлены.

Вместе с тем стекла аналогичных составов широко представлены на территории Средней Азии, начиная с раннесредневекового периода. Здесь они найдены в Хосиянтепа (VI—VIII вв.) в Сурхандарье, Лашкереке (VII—VIII вв.) в Ташкентской области, Курганче (VII — начало VIII в.) на территории ККАССР, Пенджикенте (VII — начало VIII в.) и Афрасиабе (начало VIII в.). В целом они выявлены на 35 из 48 изученных памятников средневековой Средней Азии. Принимая во внимание, что на территории Египта и Индии они обнаружены в малом количестве (всего 5 образцов), и учитывая хронологическую отдаленность, нет основания предполагать их импорт из указанных стран. Видимо, они посвящаются на территории Бактрии где-то в пределах III—IV вв. (Ак-Купрук I), а в период раннего средневековья проникают в другие районы Средней Азии. Таким образом, на нынешнем уровне наших знаний надс полагать, что основные составы стекол средневековой Средней Азии берут начало свое на территории Афганистана, где они начали формироваться около III—IV вв.

Четвертый тип: $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ — наиболее широко распространенный состав древних стекол. Его осваивали первоначально в Древнем Египте, где источником щелочей была египетская природная сода, затем они распространились на территорию Индии и особенно Древнего Рима. Преобладающее количество этих стекол встречено в древнеримских поселениях, расположенных в разных частях Европы и других регионах. Такие стекла выявлены и в Средней Азии — в Старой Нисе (II в. до н. э.) и Топраккале (III — начало IV в. н. э.) в Хорезме. Как видно из табл. 1, они имели распространение и на территории Афганистана.

Пятикомпонентные стекла пятого химического типа: $\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{SiO}_2$ — в основном обнаружены на двух памятниках Афганистана — Ак-Купруке I и Шамшир-Гаре с III—IV по XIII в. В других местах их найдено очень мало — имеется лишь два образца среди стекол Кармир-Блур (VII в. до н. э.) в Армении. В древней Средней Азии, согласно спектральным анализам, они выявлены толь-

⁵ Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969. Табл. XVI. С. 229.

⁶ Там же, Табл. XVII. С. 229.

ко в Койкрылганкале (I — начало II в. н. э.) в Хорезме⁷. В раннесредневековый период такие стекла встречены в Еркургане (V—VI вв.) и Пенджикенте (начало VIII в.). В средние века они обнаружены во всех частях Средней Азии, на 21 из 48 изученных памятников.

Остальные составы имеют крайне ограниченное распространение — только на Шамшир-Гаре — и пока твердо говорить о них очень трудно.

Таким образом, полученные в ходе химического изучения данные свидетельствуют о высоком уровне стеклоделия на территории древнего Афганистана и тесной связи его с традициями стекольного ремесла других очагов древневосточной цивилизации, в том числе Среднеазиатского региона.

А. А. Абдуразаков

⁷ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. V. М., 1967. С. 145—146.

О ТЮРКИЗМАХ В МОНГОЛЬСКОЙ ЧАСТИ ЧЕТЫРЕХЪЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ XII ВЕКА «МУКАДДИМАТУЛ АДАБ»

История взаимоотношений тюркских и монгольских народов уходит своими корнями в глубокую древность. Их тесные взаимосвязи нашли свое отражение и в языковой сфере: в лексике, фонетике, грамматике. Языки этих народов, как известно, относятся к алтайским группам, которым присущ закон сингармонизма. Эти языки агглютинативного типа. Основной словарный фонд тюркских и монгольских языков отличается друг от друга, но имеются и сходные черты.

Тюрко-монгольская, а также арабо-персидская взаимосвязь в области лексики наглядно отражена в произведении Замахшари «Мукаддиматул адаб» (XII в.)¹. Словарь этот создан в Хорезме, а потому в тюркской части его встречаются среднеазиатские лексические элементы.

Рукописи «Мукаддиматул адаб» хранятся в Ташкенте, Бухаре, а также за рубежом (Египет, Турция, Иран и др.).

В Институте востоковедения АН УзССР хранится самый древний список «Мукаддиматул адаб», относящийся к XII в. Он составлен на арабском, персидском и тюркском языках². В Институте находится еще шесть списков, но составлены они только на арабском и персидском языках. По Стамбульскому списку «Мукаддиматул адаб» опубликована работа А. Рустамова³.

Бухарский список выполнен в начале XX в. Рукопись, послужившая для него оригиналом, утеряна. В этом списке отмечены формы и значения арабских, персидских, тюркских и монгольских слов.

Наше внимание привлекли тюркские слова в составе монгольской части словаря, которые имеют общие особенности в формах и в значениях, в отличие от лексики письменных памятников XI—XIV вв. Вместе с тем в данном письменном памятнике имеются заимствованные слова, сходные по форме и значению со словами из тюркской части словаря. Ниже приводятся соответствующие примеры с параллелями, извлеченными из некоторых письменных тюркоязычных памятников того же периода.

Ала (Замах, I, 97)⁴//ала (ДТС, 32)⁵ — легий//ала (МК, I, 117)⁶ — пес. Алб (Замах, I, 97)//алп (Замах, III, 62a)⁷//алп (ДТС, 36) — герой, храбрый, меткий стрелок. Алтан (Замах, I, 99)//алтун (ДТС, 40)//алтун (МК, I, 142) — золото. Арал (Замах, I, 104)//арал (ДТС, 50) — остров. Арслан (Замах, I, 106)//арслан (ДТС, 54)//арслан (МК, III, 419) — лев. Бақыр (Замах, I, 111)//бақыр (ДТС, 82)//бақыр (МК, I, 341) — медь. Бечин (Замах, I, 115)//бичин (ДТС, 98)//бичин (МК, I, 387) — обезьяна. Ем (Замах, I, 152)//эм (ДТС, 170)//эм (МК, I, 74) — лекарство. Бөлүк (Замах, I, 123) — толпа//бөлүк (ДТС, 117) — часть, доля//бөлүк (МК, I, 366) — куча, группа, стадо. Кебез (Замах, I, 218)//мамуқ (Замах, II, 218)⁸//кебез (ДТС, 290)//кэбэз (МК, I, 288) — хлопок. Күч (Замах, I, 224) — сила//күч (ДТС, 322) — сила, насилье//күч (Замах, I, 127a)//күч (МК, I, 312) — время. Оран (Замах, I, 269)//орун (ДТС, 372)//орун (МК, II, 206) — место. Орғақ (Замах, I, 270)//орғақ (ДТС, 370)//орғақ (МК, I, 141)//орак (Замах, II, 270) — серп. Ортағлық (Замах, I, 270)//ортағлық (Замах, II, 271) — товарищество. Отачы (Замах, I, 371)//отачы (ДТС, 373)//отачы (МК, I, 71) — лекарь. Үгүт (Замах, I, 275)//үгүт (Замах, II, 275)//өгүт (ДТС, 382)//өгүт (МК, I, 85)//өгүт (Замах, III, 100a) — совет, наставление. Қаблэн (Замах, I, 285)//қаплан

¹ Поппе Н. Н. Монгольский словарь «Мукаддиматул адаб». I—II. М.; Л., 1938.

² Замахшари. Мукаддиматул адаб. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2699.

³ Рустамов Аликбек. Махмуд Замахшарий. Тошкент, 1971.

⁴ Замах, I: Поппе Н. Н. Указ. соч. I — монгольская часть словаря.

⁵ ДТС: Древнетюркский словарь. Л., 1969.

⁶ МК, I, II, III: Махмуд Кошғарий. Девону луғотит турк. Тошкент, I том, 1960; II том, 1962; III том, 1963.

(Замах, II, 285)//қаптан (ДТС, 421) — тигр. Қайғу (Замах, I, 286)//қадғу (Замах, III, 65а)//қайғу (Замах, II, 286)//қадғу//қазғу (МК, III, 310; I, 401) — печаль, горе. Қаранқулуқ (Замах, I, 292)//қаранқулуқ (Замах, II, 292)//қаранқулуқ (ДТС, 425) — тьма, темнота. Қауын (Замах, I, 297)//қавун (Замах, II, 297)//қағун (ДТС, 406)//қағун (МК, I, 388) — дыня. Черик (Замах, I, 132)//черик (Замах, II, 132) — войско; и т. д.

В числе главнейших комбинаторных изменений, которым подвергались согласные звуки в тюркских основах на монгольской почве, можно назвать следующие: а) тюркский взрывной глухой согласный -т в интервокальной позиции соответствует монгольскому согласному аффиксу -ч: бичик (Замах, I, 229) — письмо//битик (Замах, II, 229)//битик (Замах, III, 10а)//битик (МК, I, 365)//битик (ДТС, 103)//битик (Таф, 14а)⁹ — книга, письмо, талисман;

б) сонорный -й в анлауте тюркского слова соответствует монгольскому аффрикату -ч: чалбарықы (Замах, I, 200)//йалбарғучы (Замах, II, 200) — умоляющий//йалбар (ДТС, 228)//йалвар (Таф, 145а) — умоляй. Чарым (Замах, I, 201)//йарым (Замах, II, 201)//йарым (МК, III, 26; ДТС, 24; Таф, 31а) — половина. Чат (Замах, I, 203)//йат (Замах, II, 203; ДТС, 247)//йат (МК, I, 406) — чужой, Чаян (Замах, I, 199)//йаған (Замах, II, 199)//йаған (МК, III, 36)//йаған (ДТС, 233)//айған (МК, III, 386) — слон. Часақсан (Замах, I, 203)//йасаған (Замах, II, 203) — творивший, создавший;

в) сонорный -р в ауслауте тюркской основы соответствует -з: өкүр (Замах, I, 173)//өкүз (Замах, II, 173)//өкүз (МК, I, 91)//өгүз (ДТС, 382) — вол, бык//өкүз (Таф, 52а) — река. Бор (Замах, I, 217)//бөз (Замах, II, 217) — бязь//бор (МК, III, 133; ДТС, 112) — вино, буза. Икир (Замах, I, 195)//екзек (Замах, II, 195)//иккиз (МК, I, 160) — близнецы, двойня;

г) согласные -д, -з, -й в словах тюркского происхождения совпадают с монгольским сонорным -р: күрекен (Замах, I, 299)//күйәв (Замах, II, 229)//күзәгү (Замах, III, 126а)//күдәгү (ДТС, 324) — жених, зять;

д) сонорным -й, -з, -д в словах тюркского происхождения в монгольском языке соответствует -д: будуқу (Замах, I, 124) — красить//бойақ (Замах, II, 124)//бодуғ (ДТС, 108)//бозуғ (МК, II, 352) — краска;

е) тюркскому глухому -с в монгольском соответствует -ч: чачақ (Замах, I, 129)//сачақ (Замах, II, 129)//сачу (МК, III, 336) — бахрома, подвеска;

ж) в тюркских заимствованных словах в анлауте происходит переход б > м: м//б: монг.: би (Замах, I, 118)//тюрк. -м: мән (Замах, II, 118)//бән//мән (МК, I, 325), бен//мән (ДТС, 94, 340) — я.

Тюркские основы употреблялись с монгольскими аффиксами с тем же значением, что и в тюркских языках. Примеры:

-а: аба (Замах, I, 93)//аб (ДТС, 1)//ав (МК, I, 68)//ав (МК, I, 68) — охота;
-ан: байан (Замах, I, 114)//бәй (ДТС, 79)//бай (МК, III, 173) — богатый.
Мыңқан (Замах, I, 236)//мың (МК, III, 372)//мың (ДТС, 344) — тысяча;
-ба: қабарба (Замах, I, 284)//қабарды (Замах, II, 284) — распухло. Қараба (Замах, I, 292)//қарады (Замах, II, 292) — смотрел;

-бе: белгүрбе (Замах, I, 117)//бәлгүрди (МК, II, 199) — открылся знак; стал известным. Чечеклебе (Замах, I, 131)//чечекленди (Замах, II, 131) — расцвело;

-ге: белге (Замах, I, 116)//белгү (ДТС, 93)//бәлгү (МК, I, 403) — знак, примета;

-ле: өтмекле (Замах, I, 279)//өтмәк билә (Замах, II, 279) — хлебом;

-и: бөзчин (Замах, I, 124)//бөзчи (Замах, II, 124)//бөзчи (ДТС, 119) — ткач;

-туғай: болтуғай (Замах, I, 121)//болсун (Замах, II, 121) — да будет;

-тү: естү (Замах, I, 167)//услуг (Замах, II, 81а) — умный;

-үғай: билик үғай (Замах, I, 121)//билгисиз (МК, I, 367) — глупый, безумный;

-ғалаба (ғала+ба): ботағалаба (Замах, I, 122)//боталады (Замах, II, 121) — принесла верблюжонка.

Как видим, в результате взаимодействия тюрко-монгольских языков тюркские элементы порой подвергались некоторым фонетическим изменениям, но нередко они сохраняли свои грамматические и фонетические формы.

К. Махмудов

⁷ Замах, III: Замахшари. Мукаддиматул адаб. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2699.

⁸ Замах, II: Поппе Н. Н. Указ. соч. II — тюркская часть словаря.

⁹ Среднеазиатский тефсир. Ркп. Института народов Азии ЛО АН СССР, инв. № С-197.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА В ФЕРГАНСКОМ ГОСПЕДИНСТИТУТЕ

В исторических решениях XXVII съезда КПСС большое внимание уделено дальнейшему развитию системы народного образования в стране, подготовке кадров спе-

циалистов для отраслей народного хозяйства, науки и культуры. Важную роль в этом деле играет высшая школа. Разработанная партией программа глубокой реформы высшего образования в стране нацелена на подъем всей деятельности нашей высшей школы на качественно новый уровень, отвечающий растущей роли человеческого фактора в решении актуальных задач ускорения социально-экономического развития страны.

Высшая школа должна готовить высококвалифицированных, идейно закаленных специалистов, занимающих активную жизненную позицию, вносящих достойный вклад в общее дело строительства коммунизма, являющих собой образец «гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»¹.

В решении ответственных задач, поставленных партией перед высшей школой, исключительно важное место принадлежит вузовским кафедрам общественных наук, на что с новой силой было указано на Всесоюзном совещании руководителей этих кафедр, в свете решений которого ныне разворачивается коренная перестройка их деятельности.

Критически пересматривают всю свою работу и коллективы кафедр общественных наук Ферганского государственного педагогического института им. Улугбека, в том числе кафедры научного коммунизма.

Профессорско-преподавательский состав кафедры научного коммунизма ФерГПИ стремится всемерно совершенствовать учебно-воспитательный процесс, добиться общего повышения научно-теоретического, методического и идейно-воспитательного уровня преподавания курса. Наряду с совершенствованием всех форм аудиторной работы большое значение придается организации консультаций и индивидуальной работы как важной составной части всего учебно-воспитательного процесса.

Консультации играют действенную роль в овладении студентами теоретическими основами марксизма-ленинизма, становлении их творческого мышления, формировании научного мировоззрения.

Практика показала эффективность регулярного проведения коллективных и индивидуальных консультаций на протяжении всего учебного периода. Характер и содержание консультаций фиксируются в журнале дежурства. Информация преподавателей о ходе проведения консультаций периодически заслушивается на заседаниях кафедр.

На кафедре ведется строгий учет успеваемости студентов, сдачи зачетов, контрольных работ для студентов заочного обучения, представления реферативных работ. На этой основе каждый преподаватель систематически ведет контроль, учет самостоятельной подготовки студентов и организует для них необходимые консультации, собеседования. Совместно с деканатами кафедры составляет график проведения консультаций каждого преподавателя со студентами, особенно перед зачетом, экзаменом.

Регулярно проводятся вечера вопросов и ответов. При этом студенты заранее, в письменном виде, задают вопросы по проблемам научного коммунизма, различным аспектам политики партии на современном этапе. На основе этих вопросов также организуются консультации.

Специальные консультации предназначены для студентов, привлеченных к научно-исследовательской работе.

В порядке групповых консультаций практикуются лекции, беседы, диспуты по курсу научного коммунизма и др. Они проходят в кабинете научного коммунизма и кабинете контрпропаганды, организованном по инициативе ректората и кафедры научного коммунизма, а также в студенческих общежитиях во внеучебное время.

В целях улучшения идейно-политической подготовки студентов и усиления контрпропагандистской направленности занятий на кафедре подготовлен спецкурс «Идеологическая борьба на современном этапе». Он охватывает широкий круг теоретических и практических вопросов курса научного коммунизма и рассчитан на 20 часов. Разумеется, охватить все проблемы спецкурса за это время невозможно. Поэтому многие вопросы изучаются в ходе консультаций и индивидуальной работы со студентами, проводимой в кабинете контрпропаганды.

Учитывая, что будущим учителям предстоит работать с подрастающим поколением, одно из центральных мест в спецкурсе отведено теме «Молодежь и современная идеологическая борьба». На консультациях по этой теме убедительно раскрываются цели и задачи буржуазной пропаганды в отношении молодежи, стремящейся насадить в ее рядах атмосферу аполитичности, неверие в коммунистические идеалы и ценности социалистического образа жизни.

Во внеурочное время в кабинетах и общежитиях института преподаватели кафедры научного коммунизма ведут консультации в форме бесед, диспутов, вечеров вопросов и ответов на темы: «Два мира и два детства», «Молодежь мира в борьбе за мир», «Два мира — два образа жизни», «Учитель в буржуазном обществе», «Советский учитель — высокое звание» и т. д.

В проведении консультаций и индивидуальной работы со студентами особое внимание в настоящее время уделяется изучению материалов XXVII съезда КПСС, XXI съезда Компартии Узбекистана, последующих Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз,

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 163.

других важнейших партийных документов. Членами кафедры подготовлены методические указания по изучению материалов июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, текст лекции по материалам XXVII съезда КПСС и т. д.

Групповые консультации организуются перед семинарскими занятиями, зачетами, экзаменами, а также по первоисточникам, написанию контрольных и реферативных работ, докладов и др. При этом широко используются технические средства обучения, с помощью которых заслушиваются выступления руководителей партии и правительства, демонстрируются хроникально-документальные фильмы, схемы, диаграммы, таблицы и т. д.

Исходя из принципа дифференцированного подхода к студентам, с учетом особенностей их личности, степени подготовленности и др., систематически ведется индивидуальная работа, в которой участвуют, согласно индивидуальным планам, все преподаватели кафедры.

Регулярно проводимые консультации позволяют систематически следить за выполнением студентами заданий, составлением конспектов, усвоением программных материалов, самостоятельной работы студентов и т. д.

Руководствуясь указаниями партии, профессорско-преподавательский состав кафедры стремится всемерно совершенствовать всю свою учебно-воспитательную деятельность. На состоявшемся 9 сентября 1986 г. партийном собрании института были отмечены положительные стороны работы кафедры. Вместе с тем указано на имеющиеся в ней упущения и недостатки, необходимость качественного повышения научно-методического уровня лекций и семинарских занятий, коренного улучшения других форм учебно-воспитательной работы, творческого, новаторского подхода к преподаванию курса научного коммунизма, повышения требовательности и к студентам, и к преподавателям, всемерного развития критики и самокритики, усиления идейно-воспитательной работы в коллективе.

Коллектив кафедры полон решимости устранить имеющиеся недостатки, выйти на качественно новый уровень по всем направлениям учебно-воспитательной работы в соответствии с поставленными партией задачами коренной перестройки высшей школы в свете решений XXVII съезда КПСС.

Е. Т. Таиров, Х. П. Пулатов, К. Сулайманов

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

К ИСТОРИИ РОСТОВЩИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ДЕХКАН-ХЛОПКОРОБОВ ТУРКЕСТАНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В Центральном государственном архиве (ЦГА) УзССР нами выявлены документы, наглядно раскрывающие методы эксплуатации хлопкоробов в дореволюционном Узбекистане. В частности, в архиве отложилось большое количество жалоб на злоупотребления должностных лиц, ростовщическую деятельность баев, кулаков и торгово-промышленных фирм.

Так, в жалобе Ишанкула Касымходжаева¹ на имя туркестанского генерал-губернатора сообщалось о методах обирания местного населения торгово-промышленным товариществом Потеляхова². Оно развило особенно бурную деятельность по скупке хлопка-сырца. Получая кредит из банка на условиях 5—6% годовых, фирмы раздавали их хлопкоробам уже из расчета 8—12%. В 1912 г. товарищество Потеляхова начало совместные операции с торговым домом Кнопа и кредитовавшим его Московским купеческим банком. По договору, заключенному между Л. Кнопом и Р. Ш. Потеляховым на сезоны 1912—1915 гг., банк кредитовал все их задатки, покупки и продажи (кроме хлопка) под задаточные и другие финансовые векселя на сумму до 3 млн. руб., а под хлопок-сырец — до 2 млн. руб.³ Кредиты по операциям Л. Кнопа с Р. Ш. Потеляховым возросли в 1913 г. до 7 млн. руб., а затем до 8 млн. руб.⁴

Располагая столь огромными средствами, фирма Потеляхова при покупке хлопка или составления договоров с дехканами постоянно прибегала к различным ростовщическим операциям.

Так, Ишанкул Касымходжаев в своей жалобе сообщал, что в 1914 г. ему понадобились деньги в сумме 200 руб. для посева хлопчатника⁵. Он обратился к то-

¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 796, л. 55.

² Торгово-промышленное товарищество Р. Ш. Потеляхова выдвинулось в 80—90-е годы XIX в. из среды местной буржуазии. Р. Ш. Потеляхов, как и другие основатели крупных местных фирм (Я. Вадьяев, Ю. Давыдов), ранее был чистачом. Так назывались люди, которые занимались скупкой и очисткой хлопка-сырца с последующей продажей хлопкового волокна. Путем ростовщическо-спекулятивной деятельности они быстро умножали свой капитал и становились основателями крупных фирм.

³ Хакимова К. З., Кравец Л. Н. Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционном Туркестане. Ташкент, 1980. С. 89.

⁴ Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма//Исторические записки. 1956. № 58. С. 49.

⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 796, л. 55.

варьществу Потеляхова. Однако там вместо денег ему предложили... муку на сумму 200 руб., которую он сам должен был продать и выручить указанную сумму, а за это потребовали вексель⁶ на 700 руб.⁷ И. Касымходжаев пишет, что он был вынужден согласиться на эти условия. В том же году он вернул товариществу свой долг хлопком, но вексель ему не возвратили, заявив, что он хранится в банке. В сентябре же 1915 г. его неожиданно вызвали к мировому судье и на основании предъявленного иска произвели опись его имущества и имущества его отца. «На мои просьбы о возврате имущества Товарищество ответило, что якобы мое имущество описано за долги других людей — моих односельчан»⁸.

На жалобе, поданной И. Касымходжаевым, генерал-губернатор наложил резолюцию: «Предложить обратиться в суд»⁹. Реальных последствий эта жалоба не имела.

Во «всеподданнейшем отчете» за 1903 г. военный губернатор Ферганской области официально сообщал, что процент взимается негласно в размере от 100 до 200% годовых¹⁰. Однако из архивных документов видно, что фактически ростовщический процент доходил до 350, а иногда даже до 1000% в год¹¹. Так, из упомянутой жалобы следует, что ростовщический процент в данном случае составил 350%. Хищнически обирая хлопкоробов, фирма Потеляхова быстро богатела. Если в момент основания она располагала 600 тыс. руб., то к 1915 г. капитал ее возрос до 2 млн. руб.¹²

В ЦГА УзССР сохранилась также жалоба крестьян сел. Гулякандоз и Актюбе Ходжентского уезда Самаркандской области муллы Каримбая Мелибаева, Мирзы Хамдамова, Мир-Абдуллы Юлдашбаева, Кабылбая Муратбаева, Муратходжи Сеитназарова и др.¹³ Они писали, что доверенные фирмы Потеляхова обещали выдать им кредит под хлопок из расчета 11% годовых вместо 12% у других фирм. Дехкане, естественно, согласились на такие условия. Однако на деле это соглашение оказалось «мертвой петлей»¹⁴. Внешне фирма Потеляхова «сдержала слово», выдав кредит из расчета 11%. Однако фактически дехкан обманули. «Обещая выдать, например, под хлопок 1000 руб. из 11% годовых, Товарищество Потеляхова требует вексель на 10000 руб., вексель не срочный, а чистый бланк, который легко можно передать другому лицу»¹⁵. Таким образом, фактический процент оказывался в 10 раз выше оговоренного.

Крестьяне сообщали, что особым договором их обязали сдать весь свой хлопок только этой фирме со скидкой с цены, которая будет существовать на рынке в день сдачи, от 10 до 30 коп. с пуда. Так «дешевый» кредит на деле оказывался тяжелой долговой кабалой.

Если в конце XIX в. фирмы, заинтересованные в развитии хлопководства, предоставляли хлопкоробам беспроцентные ссуды и бесплатно раздавали семена хлопчатника американских сортов, то в начале XX в. кредиты стали предоставляться лишь на условии сдачи всего собранного хлопка данной фирме. Кроме того, если ранее в договорах конкретно указывалась цена, по которой будет приниматься хлопок, то в начале XX в. стали оговаривать, что хлопок будет реализовываться фирме по цене, «какая будет существовать у этой фирмы при приеме хлопка от поставщика в день сдачи»¹⁶. А в упомянутой жалобе говорится, что крестьян обязали доставить весь собранный хлопок фирме Потеляхова со значительной скидкой с той цены, которая будет существовать на рынке в день сдачи.

Причем в жалобе подчеркивалось, что представители товарищества выдавали ссуду не сразу, а частями. При последней выдаче к тому же доверенные фирмы «брали с нас на имя подставного лица залоговые на наши земли»¹⁷. А залоговые документы оформлялись у казиев. Расчет фирмы был прост: «По русским залоговым документам возможны споры, могущие привести стороны в русский суд, который мог раскрыть существующие лихвенные проценты. А при упрощенном порядке судопроизводства у казиев правда будет на стороне богатого»¹⁸. Далее жалобщики заявляли, что все последующие частичные выдачи кредита производились не деньгами, а «тухлой, прогорклой мукой, по рыночной стоимости хорошей муки...»¹⁹

⁶ При получении задатков дехкане, помимо расписки на самом договоре, должны были выдавать еще векселя на имя фирмы. Под эти векселя банки открывали фирмам специальные текущие счета.

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 796, л. 55.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, оп. 12, д. 529, л. 7 об.

¹¹ Там же, д. 1759, л. 226; оп. 11, д. 696, л. 72; ф. И-19, д. 24492, л. 28.

¹² Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (Конец XIX — начало XX вв.). Ташкент, 1961. С. 101.

¹³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 796, л. 50.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Юлдашев А. Указ. соч. С. 101.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Крестьяне отказывались брать такую муку. «...Тогда тут же доверенные фирмы у нас приобретали эту муку за полцены или же предоставляли нам право продать куда-либо на сторону, отлично зная, что на базаре мы не сможем продавать такую гниль...»²⁰

Жалобщики писали, что, очевидно, эта мука из года в год служила фирме Потеляхова для оборота. Они заявляли, что «паутина Потеляхова целиком опутала нас, и мы всецело находимся в его власти. 21 июня (1915 г. — К. Х.) были проданы наши земли, рано или поздно весь наш домашний скарб, вся скотина сделаются достоянием фирмы Потеляхова»²¹.

Дехкане просили генерал-губернатора помочь им вырваться из цепких лап Потеляхова. Однако царские власти и не собирались защищать дехкан от хищнической эксплуатации их со стороны фирм.

В делах канцелярии туркестанского генерал-губернатора сохранился доклад старшего чиновника для поручений от 12 мая 1912 г. о расследовании жалобы Джурабека Унгабаева из Булатовской волости Ташкентского уезда. Отмечено, что в 1905 г. Д. Унгабаев «получил деньги под хлопок у Израилева и рассчитался с ним, но теперь по векселю, выданному им несколько лет тому назад... взыскивает деньги с него второй раз Пинхасов»²². Точно так же пострадали и другие дехкане Булатовской волости. При расследовании установлено, что Насим Израилев с 1904 по 1908 г. выдавал задатки под хлопок, брал векселя, под которые давал деньги в размере половины и не более 2/3 суммы, означенной по векселю. Условия на поставку хлопка он передал жителю Ташкента Юсуфу Абдушахарову. Последний выдал хлопкоробам квитанции о приемке хлопка, и они сохранили эти квитанции. Но «расчеты производил сам Израилев, он оспаривал сорта, вес, а, следовательно, и цены на хлопок, продолжая поставщиков считать должниками и векселей не вернул»²³. Желая вернуть векселя, крестьяне стали отдавать ему урожаи пшеницы, лука, затем лошадей, коров и, наконец, деньги. В кишлаке Кульчиган Израилев стал таким путем владельцем 38 десятин орошаемой земли.

В документе подробно описаны расчеты Израилева с одной группой крестьян из 4 человек, во главе с грамотным Ишаном Барзибаевым, подписавшим вексель и условия на поставку хлопка. Эти хлопкоробы выдали вексель на 800 руб., получили 600 руб., но не сразу, а при выдаче векселя — 400 руб. и спустя 3 месяца еще 200 руб. (в первый раз по 100, потом — по 50 руб. на каждого)²⁴. «...По квитанциям... они сдали хлопка 329 пудов 35 фунтов, разделенного приемщиком по сортам, частью по 2 руб. 50 коп. и частью по 2 руб. Подсчитывая в круговую по 2 руб., получаем 329 пудов 35 фунтов × 2 руб. = 658 руб. Затем сдали пшеницы 111 пудов по 1 руб. = 111 руб., уплатили деньгами 75 руб., отдали 2,5 десятины земли, которую приемщик сам оценил по 25 руб. да десятину, т. е. 62 руб. 50 коп. Таким образом, всего уплатили за ссуду в 600 руб. 906 руб. 50 коп. Но, несмотря на это, был наложен арест на их имущество на сумму 800 руб.»²⁵.

Эти и другие архивные документы конкретно раскрывают формы и методы ростовщической эксплуатации хлопкоробов колониального Туркестана.

Ростовщичество наносило огромный ущерб хлопководству и другим отраслям сельского хозяйства, вело к разорению трудового дехканства. Все это убедительно иллюстрировало положения классиков марксизма о том, что «ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях»²⁶.

К. З. Хакимова

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 17, д. 789, л. 39.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 696, л. 72; оп. 12, д. 1759, л. 226; ф. И-19, д. 24492, д. 28; и т. д.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 145—146.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ГИАС АД-ДИНА НАККАША КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среднеазиатско-хорасанский регион по своему географическому положению издавна был важным узлом перекрещения торговых путей между странами Дальнего и Ближнего Востока. Торгово-экономические связи его особенно оживились в начале XV в.¹ В крупные города региона: Герат, Самарканд, Хорезм (Хива), Балх, Бадах-

¹ См.: История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967. С. 461—509; Бартольд В. В. Тимур и тимуриды//Соч. Т. II. Ч. I. М., 1964. С. 157—163; Его же. Улугбек и его

шан, Исфахан, Шираз — прибывали послы и торговые караваны из Моголистана, Китая, Индии, Аравии, Египта, Малой Азии, Кавказа, Поволжья, Урала и др. Известно, например, о прибытии в Герат послов из Северной Индии в 814/1411, 819/1416, 824/1421 гг. и об отправке послов из Герата в Индию².

Особое развитие получили в этот период связи между Средней Азией, Хорасаном и Китаем. Первая четверть XV в. и для Китая характеризуется относительным ростом производительных сил и развитием внешнеэкономических связей. В частности, был проведен ряд мероприятий, направленных на развитие как внутренней, так и внешней торговли, сняты некоторые ограничения, касавшиеся различных налогов и пошлин³. Это способствовало развитию торгово-экономических и культурных связей Китая с другими странами, в том числе Средней Азией. Например, известно об отправке в то время послов из Китая в Индию, Среднюю Азию и другие страны⁴. Торгово-дипломатические связи Китая с западными странами, в том числе со Средней Азией и Хорасаном, зафиксированы и в китайских династических хрониках, содержащих подробную информацию о принятых императорским двором зарубежных послах и привезенных ими подарках⁵.

Как отмечал В. В. Бартольд, в рассматриваемый период «сухопутная торговля между Средней Азией и Китаем получила такое развитие, какого никогда не достигала ни раньше, ни после»⁶.

Следует отметить, что Средняя Азия выступала не только самостоятельным торговым партнером Китая, но и главным посредником в его торговых сношениях с западными странами.

Для изучения истории среднеазиатско-китайских посольских и торговых отношений в начале XV в. особенно важны сочинения гератского историка Шихаб ад-Дин Абдаллаха ибн Лутфаллаха ал-Харави (Хавафи), более известного как Хафиз-и Аbru (ум. в 833/1430 г.). Ценные сведения об этом имеются в его историко-географическом⁷ и историческом⁸ сочинениях.

Из сообщений Хафиз-и Аbru видно, что посольские связи между государством Тимуридов и Китаем установились с 811/1409 г., с прибытием послов из Китая в Герат для выражения соболезнования по случаю смерти Тимура. Послам были оказаны соответствующие почести и дано разрешение к возвращению⁹. В дальнейшем эти связи между обоими государствами имели уже постоянный характер: в ответ на каждое прибывшее в Самарканд и Герат китайское посольство при их возвращении вместе с ними следовали послы из Мавераннахра и Хорасана¹⁰. В двусторонних переписках через послов особо подчеркивается необходимость дальнейшего развития торговых отношений и создания условий для безопасного следования купцов по территории обеих стран.

Наиболее характерным было прибытие китайского посольства в Среднюю Азию в 822/1419 г. Сперва оно остановилось в Самарканде, затем прибыло в Герат. Здесь оно разбилось на несколько групп, и каждая посетила отдельную область государства Тимуридов. Так, одна группа ездил в Шираз, к сыну Шахруха, мирзе Ибрахим-султану (797/1394—839/1435), другая — в Хорезм, к эмиру Шахмалику, и т. д.¹¹

Ответное посольство Тимуридов в Китай было составлено из представителей правителей подчиненных Шахруху областей. Группу из Герата возглавляли эмир Шади-ходжа и Кукча (послы Шахруха), Султан Ахмад и ходжа Гийас ад-Дин как представители Байсунгура, эмир Хасан — мирзу Ибрахим-султана из Шираза, пахлаван Джамал — мирзу Рустама из Исфахана¹². В Самарканде к ним присоеди-

время// Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 25—199; Семенов В. Ф. История средних веков. М., 1975. С. 356.

² Абдураззоқ Самарқандий. Матлаъи саъдайн ва мажмаъи баҳрайн/Фурс-тожик тилдан таржима, кириш сўз ва изоҳли лугатлар А. Уринбоевники. Тошкент, 1969. С. 123—124.

³ Бокщанин А. А. Императорский Китай в начале XV века. М., 1976. С. 249—250.

⁴ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 135.

⁵ An Index of Embassies and Tribute Missions from Islamic Countries to Ming China (1368—1466) as Recorded in the Ming Shih-lu classified according to Geographic Area; by Hiroshi Watanabe (Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. N. 33. Tokyo. 1975. P. 284—348).

⁶ Бартольд В. В. Ответ Г. Е. Грумм-Гржимайло//Соч. Т. V. М., 1968. С. 335.

⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5361; известна также под названием «Тарих-и Хафиз-и Аbru» («История Хафиз-и Аbru»), условно — «География».

⁸ Хафиз-и Аbru. Зубдат ат-таварих. Ркп. Фатих (Стамбул), инв. № 4371/1, л. 579 б.

⁹ Абдураззак Самарқанди. Указ. соч. С. 112.

¹⁰ Хафиз-и Аbru. География, л. 450б, 454а—456б, 463б—464а.

¹¹ Там же, л. 463б—465а. Эмир Шахмалик (ум. в 829/1426 г.) был видным военачальником Тимура, Улугбека и Шахруха. Последний в 815/1413 г. назначил его правителем Хорезма, где он и правил до конца жизни (Абдураззак Самарқанди. Указ. соч. С., 135, 182, 343, 424).

¹² Мирза Рустам — сын Омар-шейха, внук Тимура.

лись и послы из других областей: Ургудак¹³ — от правителя Кабула и Газни Суйургатмыша¹⁴, Урдуван — от правителя Хорезма Шахмалика, ходжа Тадж ад-Дин — от шаха Бадахшана¹⁵. Послы Улугбека (811/1409—852/1449), возглавляемые Султан-шахом и Мухаммадом-бахши, были отправлены из Самарканда на два месяца раньше и соединились с послами Шахруха уже в Ханбалыке (Пекин). Послы Ибрахим-султана и мирзы Рустама были отправлены позже. Гийас ад-Дин пишет, что они встретились с остальными участниками посольства только на обратном пути. Тимуридское посольство в составе 530 человек (вместе с купцами и слугами) возглавлял посол Шахруха эмир Шадн-ходжа. Поездка в общей сложности заняла около трех лет — с 6 зулкада 822 (24 ноября 1419 г.) до 11 рамадана 825 (29 августа 1422 г.) г. х.

Как видно из источников, Гийас ад-Дин наккаш был включен в состав посольства с определенной целью — ему было поручено со дня выхода посольства из Герата до его возвращения «записывать в виде дневника все, что он видел воочию, без пристрастия и предубеждения»¹⁶.

К сожалению, сведения о Гийас ад-Дине почти отсутствуют. В одной турецкой энциклопедии приведено касающееся его четверостишие, в котором сообщается, что родом он из Пезда, обладал поэтическим дарованием и прекрасно владел искусством рисования и черчения, причем последнее отмечено как его основная профессия¹⁷. Кстати сказать, из текста дневника видно, что всюду в городах, где побывало тимуридское посольство, Гийас ад-Дина больше всего интересовали их архитектурный облик, живопись, вообще искусство. При этом он порой подробно описывает такие незначительные детали, на которые мог обратить внимание лишь специалист высокого ранга. Так что прозвище «наккаш» представляет Гийас ад-Дина не только как художника или чертежника в прямом смысле этого слова, но и как искусного архитектора.

В дневнике мы встречаем множество географических сведений, что характеризует Гийас ад-Дина и как географа.

Тимуридское посольство завершилось благополучно, и дневник Гийас ад-Дина был помещен Хафиз-и Абру в его «Зубдат ат-таварих» при изложении событий 825/1422 г., что совпадает со временем возвращения тимуридского посольства из Китая в Герат¹⁸.

Оригинал дневника, который, видимо, до нас не дошел, был составлен с большими подробностями и состоял из нескольких частей. Мы, однако, можем судить о нем лишь по сокращенному изложению Хафиз-и Абру. Об этом говорит сам Хафиз-и Абру в своем небольшом вступлении в начале дневника: «...Ходжа Гийас ад-Дин, начиная с того дня, как он выехал из стольного града Герата, чтобы совершить путешествие в Китай, до того дня, как он возвратился обратно [в Герат], какой бы местности ни достигал, день за днем записывал в виде дневника все, что он видел, в отношении состояния дорог, вилайетов и их благоустройства, обычаев городов, великоления падишахов и образа их правления, а также некоторых редкостей. Все это было записано им в нескольких частях. И, поскольку он заслуживает доверия, а его заметки были сделаны без пристрастия и предубеждения, то здесь будут изложены [краткое] содержание и суть тех рассказов»¹⁹.

Дневник Гийас ад-Дина наккаша приобрел большую популярность сразу же после появления в свет сочинения Хафиз-и Абру. Так, текст его из «Зубдат ат-таварих», с некоторыми сокращениями, был заимствован Мусеви в его «Тарих-и хайрат» (составлена в 831/1427—858/1454 гг.)²⁰, Абд ар-Раззаком Самарканди — включен в его исторический труд «Матла' ас-садайн» (871/1466-67—875/1470)²¹, Мирхондом (1433—1498) — в «Равзат ас-сафа» (900/1494-95—929/1522-23)²², Хондемиром (1475—1535) — в его «Хабиб ас-сийар» (927/1520—930/1524)²³, анонимным автором «Аджаиб ал-булдан» (прибл. 900/1494-95), заимствовавшим, видимо, этот материал у Мирхонда²⁴, и т. д.

Необходимо отметить, что широкое распространение дневник получил через «Матла' ас-садайн» Абд ар-Раззака Самарканди. На этой основе он был переведен на восточные (на турецкий, начиная с XV в.) и европейские (начиная с XVIII в.) язы-

¹³ Суйургатмыш (1397—1427) — сын Шахруха.

¹⁴ Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих, л. 579б.

¹⁵ Там же, л. 578а—578б.

¹⁶ Абдураззак Самарканди. Указ. соч. С. 305.

¹⁷ Шамс ад-Дин Сами. Камус ал-алам. Т. V. Стамбул, 1314/1896. С. 331б—331б.

¹⁸ Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих, л. 578а—591а.

¹⁹ Там же, л. 578б.

²⁰ Бартольд В. В. Историк Мусеви как автор «Тарих-и хайрат»//Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 327.

²¹ Абдураззак Самарканди. Указ. соч.

²² Мирхонд. Равзат ас-сафа. Т. VII. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 823, л. 824а.

²³ Хондемир. Хабиб ас-сийар. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2153, л. 717а—720а.

²⁴ Аджанб ал-булдан. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 4524, л. 81а—101а.

ки, иногда отдельно либо в изданиях и переводах «Матла' ас-са'дайн»²⁵. Издание дневника Гийас ад-Дина со сличением текста с «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Аbru было осуществлено в XX в. Мухаммадом Шафи' (Лахор, 1933, в изданиях «Матла' ас-са'дайн») и К. Майтра (1934, с переводом на английский язык)²⁶. Сведения Гийас ад-Дина частично использованы в различных исследованиях, в том числе в работах В. В. Бартольда²⁷, А. Крымского²⁸, И. Ю. Крачковского²⁹, М. Эрматова³⁰, Х. Хасанова³¹, Юля³², Данлопа³³, Р. Хеннига³⁴, Даниш Пажуха³⁵ и др.

Столь значительная популярность дневника Гийас ад-Дина прежде всего связана с оригинальностью и достоверностью изложенных в нем фактов, затрагивающих среднеазиатско-китайские историко-культурные взаимоотношения начала XV в. Как отмечал В. В. Бартольд, дневник путешествия Гийас ад-Дина «является одним из самых подробных и популярных мусульманских сочинений о Китае»³⁶. И все же дневник Гийас ад-Дина еще слабо использован в науке, особенно в исследованиях по Китаеведению. Главная причина тому, видимо, отсутствие научно комментированного перевода его на русский язык³⁷ и недоступность этого источника для многих исследователей³⁸.

Ознакомление с материалами дневника показывает, что он содержит важные сведения как по истории и культуре Средней Азии, Хорасана, Китая, так и по взаимоотношениям между этими странами. Здесь характеризуются политическая обстановка в государстве Тимуридов и Минском Китае в начале XV в. и социально-экономическое положение этих государств; вопросы среднеазиатско-китайских торговых отношений; торговые маршруты из Средней Азии в Китай; характер торговли и организация таможи в северо-западных районах Китая; китайские города, внутренняя политика Минского государства и положение трудового народа; состояние экономики, культуры и искусства в Китае того времени; верования, обычаи, нравы китайцев и т. д. В качестве примеров остановимся на некоторых сведениях дневника.

Обычно торговые и посольские караваны, следовавшие из Средней Азии в Китай, и наоборот, могли выбрать или северный маршрут, т. е. через Семипречье, или же южный путь — через Ферганскую долину. Оба маршрута проходили через Восточный Туркестан. Там торговый путь шел также по двум главным направлениям: северное — через города Турфан и Кумул и южное — через Кашгар, Хотан и Яркенд. Эти направления издавна были известны как главные ветки Великого шелкового пути, ведущие из Китая в западные страны. Оба пути соединялись на средневековой границе Китая, у западной оконечности Великой Китайской стены, где и была расположена китайская таможня.

Регулярность движения торговых караванов между Средней Азией и Китаем в значительной мере зависела от политической обстановки в Моголистане и Восточном Туркестане. Письменные источники свидетельствуют о том, что этому препятствовали частые феодальные междоусобицы в Моголистане. Вот что говорится об

²⁵ Например, издание и перевод дневника на французский язык М. Катрмером (Париж, 1843) и на узбекский язык А. Урупбаевым (Ташкент, 1969).

²⁶ A Persian embassy to China; being an extract from Zubdatu't Tawarikh of Hafiz Abru/Transl. by K. M. Mitra. Lahor, 1934.

²⁷ Бартольд В. В. Хафиз-и Аbru и его сочинения//Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 74—97; см. также статьи в «Энциклопедии ислама»: «Каратегин», «Турфан», «Ханбалык»//Соч. Т. III. М., 1965. С. 445, 521—523, 540.

²⁸ Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Т. III. М., 1914—1917. С. 63—64.

²⁹ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература//Избр. соч. Т. IV. М.; Л., 1957. С. 518—519.

³⁰ Эрматов М. М. К истории китайско-среднеазиатских дипломатических отношений в первой половине XV века//Ученые записки Ташкентского Государственного педагогического института. Вып. III: История, экономика, логика. Ташкент, 1956. С. 129—149.

³¹ Хасанов Х. Сайёҳ олимлар. Тошкент, 1981. С. 160—161.

³² Yule H. Cathay and the Way thither; being a Collection of medieval notices of China/Transl. and ed. by H. Yule. I—II. London, 1866.

³³ Dunlop D. M. Hafiz-i Abru's version of the Timurid embassy to China in A. D. 1420//Glasgow University Oriental Soc. transact. XI. 1946. P. 15—19.

³⁴ Хенниг Р. Неведомые земли. Т. IV. М., 1963. С. 39—43.

³⁵ محمد تقى دانش يژوه — نکامى به کتايهاى جين شناسى (آينده)،
مجله فرهنگ و تحقيقات ايرانى، تاريخ ادبيات و کتاب، مرداد ۱۳۶۲، سبال
نهم شماره، س ۳۶۸ — ۳۶۳: شماره ۷. س ۵۲۹ — ۵۲۴

³⁶ Бартольд В. В. Улугбек и его время//Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. с. 118.

³⁷ Нами подготовлен к печати научно комментированный перевод дневника на русский язык из «Зубдат ат-таварих» Хафиз-и Аbru, со сличением его с «Матла' ас-са'дайн» Абд ар-Раззакка Самарканди.

³⁸ Лишь В. В. Бартольд частично использовал в своих работах сведения из дневника Гийас ад-Дина (см. прим. 27).

этом в дневнике: «...[послы] вступили в страну (иль) могулстан... В это время пришло известие, что Вайс-хан потребовал [к себе] Ширмухаммад-оглана с намерением подвергнуть [его] казни. По той причине, Кулмухаммад и некоторые [другие] могольские эмиры отвернулись от Вайс-хана; народ поддержал [их]. Ввиду этого послы [с тревогой выступили] в путь. Затем пришло известие об успокоении смуты и примирении эмиров с Вайс-ханом. Эмир Худайдад — почетный эмир той страны, явившись к послам, заверил их в симпатии и отправился к Вайс-хану. Послы, успокоившись, следовали дальше...»³⁹

Другой пример свидетельствует о том, что междоусобные раздоры иногда становились причиной нападения на них в чем не повинных купцов или послов. Гийас ад-Дин пишет: «Восьмого джумада II (20 июня 1420) пришло известие о том, что сыновья Мухаммад-бека ограбили даджи, посла Вайс-хана. [Тимуридские] послы, испугавшись [этим известием], сказали: «Нам следует торопиться, чтобы скорее добраться до границы Китая»⁴⁰.

Из-за такой политической нестабильности тимуридское посольство на обратном пути не решилось идти через Семиречье и выбрало южный путь — через Яркенд, Хотан и Кашгар. Не случайно в посланиях как китайского императора, так и тимуридских правителей одним из важных условий развития торговли указывается обеспечение безопасности дорог.

От развития этих торгово-посольских отношений Китай также имел непосредственную экономическую и политическую выгоду. Основная часть его внешней торговли с западными странами в этот период осуществлялась через провинцию Ганьсу, в северо-западной части страны, т. е. все торгово-посольские караваны, идущие с запада, вступали на территорию Китая именно через эту провинцию.

Участок границы, откуда послов пропускали на территорию Китая, Гийас ад-Дин называет «Караул» («дозорный пункт»; калька китайского названия Цзяюйгуань)⁴¹ и описывает его так: «Караул состоит из прочной крепости, вокруг которой вырыт глубокий ров; она со всех сторон окружена горами, через которые нет пути. Путь проложен только через крепость и устроен так, что в одни ворота крепости входят, а через другие — выходят»⁴². Это был не обычный дозорный пункт, а главная таможенная застава при входе на территорию Минского государства. Иноземные купцы и послы при прохождении через заставу Цзяюйгуань подвергались тщательному досмотру. По свидетельству Гийас ад-Дина, там в специальную тетрадь записывали имена, численность и внешние приметы въезжающих в Китай людей, а при выезде проверяли их по этим же приметам. Кроме того, согласно китайским законам, прибывшим в Китай иноземным купцам не разрешалось следовать в страну дальше городов Сукджу (Цзюцюань) и Камджу (Чжанье), а в столицу — Пекин их пропускали только в определенном количестве. Так поступили и с тимуридским посольством. Гийас ад-Дин пишет, что «в городе Камджу багаж и [вьючных] животных послов сдали на хранение; [оставляли здесь] и нукеров»⁴³.

По всей вероятности, среднеазиатским купцам было хорошо известно о порядках на таможенных заставах Китая (уплата высоких таможенных пошлин) и соответствующих льготах для иностранных послов (освобождение от уплаты таможенной пошлины, обеспечение бесплатным ночлегом и питанием), и они старались воспользоваться ими для собственных выгод. Например, еще до подхода к таможене Цзяюйгуань китайцы требовали от тимуридского посольства список послов и слуг. Тогда среднеазиатским купцам, следовавшим вместе с посольством, удалось записаться в список слуг. Но из сообщения Гийас ад-Дина выясняется, что и после этого купцы не смогли идти дальше города Камджу. Подобная политика в конечном итоге привела к росту городов Сукджу и Камджу, где осуществлялась основная часть торговых операций с Китаем, а с другой стороны, она помогала Минскому государству в управлении как внешней, так и внутренней торговлей.

Гийас ад-Дин приводит ценные сведения о некоторых городах Китая эпохи Мин, расположенных по маршруту следования торгового каравана, особенно об их архитектурном облике и различных достопримечательностях, в том числе буддийских храмах. В частности, он пишет: «В городе Камджу есть очень большой буддийский монастырь: собственно сам храм и все то, что относится к нему, составляют [площадь, равную] пятьсот на пятьсот гязов⁴⁴. Посреди этой постройки располагался [сам] храм, в котором было воздвигнуто изваяние спящего будды; его рост [составляет] пятьдесят шагов, длина подошвы его ноги — девять шагов, голова по окружности — двадцать один гяз. Вокруг него [расположены] оригинальные постройки. Сзади этого изваяния и над его головой помещены другие изваяния, каждое [размером] приблизительно в двадцать гязов, а также фигуры бахши, каждая в рост человека. Все они так искусно изображены в движении, что их можно принять за живых. На остальных стенах нарисованы различные картины... У этого большого спящего изваяния будды одна рука помещена под головой, а другая — на бедре. Сие большое изваяние целиком покрыто золотом, покрашено разноцветной краской и облачено в одежду. Его на-

³⁹ Хафиз-и Аbru. Зубдат ат-таварих, л. 578 б.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Ныне здесь расположен населенный пункт с одноименным названием.

⁴² Хафиз-и Аbru. Зубдат ат-таварих, л. 580 б.

⁴³ Там же, л. 581 б.

⁴⁴ Гяз ≈ 70 см.

зывают Шакмани-фу⁴⁵. Иноверцы (буддисты) приходят туда толпами и падают ниц перед этим идолом. Вокруг этого храма расположены [другие] буддийские храмы, построенные наподобие караван-сарая, одно возле другого, и каждое здание само по себе является как бы отдельным храмом. [Храм] увешан золотоканнными занавесами, [внутри] поставлены позолоченные кресла, стулья, светильники, фарфоровые сосуды, [словом] он в полном уборе. В городе Камджу имеется всего десять таких больших буддийских храмов»⁴⁶.

Подробно описывая церемониал приема послов в городах Китая, в том числе в его столице Ханбальке (Пекин), в императорском дворце, Гийас ад-Дин рассказывает о китайских музыкальных инструментах и об искусстве исполнения различных мелодий на них. Упоминание Гийас ад-Дином их не китайских названий (пай, духл, йатуган, мусикар, курага, дамама и т. д.) говорит о том, что эти или подобные им инструменты существовали тогда также в Средней Азии и Хорасане. Беглое ознакомление с историей музыкальных инструментов показывает, что отдельные из них издревле бытовали в Средней Азии. Об этом свидетельствуют и китайские источники. Так, китайская пипа, упоминаемая Гийас ад-Дином, была известна в Китае со времен династии Хань (206 г. до н. э.—25 г. н. э.). Согласно китайским источникам, она была инструментом не китайского происхождения⁴⁷. Китайская пипа очень сходна с лютней, инструментом, широко распространенным в древности на Среднем Востоке, в том числе в Средней Азии. Изображения лютней были обнаружены в настенных росписях Афраснаба (I—III вв.)⁴⁸. Этот факт свидетельствует о том, что связи народов Средней Азии, Хорасана и Китая имели место не только в области торговли, но и в сфере культуры, в том числе музыкальной. Гийас ад-Дин с восхищением рассказывает о прекрасном исполнении в императорском дворце китайскими музыкантами широкоизвестных двенадцати музыкальных макомов (лад).

В дневнике мы встречаем и сведения о тяжелом положении трудового народа в Минском Китае. В нем, в частности, говорится: «...Было очень холодно, когда [послы] направлялись ко двору императора. Многие китайцы — бедняки и заключенные, прибывшие из дальних городов, умерли от холода. Они лежали мертвыми у входа во дворец императора...»⁴⁹

Все сказанное свидетельствует о том, что дневник Гийас ад-Дина на кассах содержит множество ценных сведений о Минском Китае, среднеазиатско-китайских отношениях и др., что определяет значимость его как важного исторического источника.

А. Буриев

⁴⁵ Имется в виду Будда Шакья-муни бурхан.

⁴⁶ Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих, л. 381 б.

⁴⁷ Музыкальные инструменты Китая/ Авториз. пер. с кит. Под ред. и с дополнениями И. З. Аландера. М., 1958. С. 14—15.

⁴⁸ Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии: Исторические очерки /Под научн. ред. Ф. М. Караматова, Г. А. Пугаченковой. М., 1980. С. 17—19.

⁴⁹ Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих, л. 586 б.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ В 30—40-х ГОДАХ

В 1985 г. мы опубликовали в журнале краткий очерк хода и состояния этнографических исследований в Узбекистане в 20-х годах¹.

Продолжая освещать процесс развития этнографических работ в республике, мы остановимся теперь на времени 30—40-х годов, ставших новым и притом существенным этапом в истории этнографического изучения данного региона. Характерным для него было не только расширение общего объема этнографических исследований, но и некоторое возрастание удельного веса работ, посвященных изучению современной жизни и быта населения Узбекской ССР².

Созданию благоприятных условий для ведения этнографических работ способствовало образование в Ташкенте в октябре 1932 г. Комитета наук при СНК УзССР, а в январе 1940 г. — Узбекского филиала АН СССР (УзФАН), на базе которого в июне 1943 г. последовало учреждение республиканской Академии наук³. В составе Института истории и археологии АН УзССР начал функционировать специальный Отдел (сектор) этнографии, тесно связанный по работе с Институтом этнографии АН СССР и другими родственными учреждениями.

¹ Лукин Б. В. Начальный этап этнографических исследований в Узбекистане (20-е годы XX века) // Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 11. С. 63—71.

² См. об этом: Толстов С. П. Основные задачи и пути развития советской этнографии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. XII. М., 1950. С. 3—12; Из местных публикаций: Сухарева О. А. Задачи этнографии в Средней Азии // Социалистическая наука и техника. Ташкент. 1939. № 5. С. 61—65.

³ Подробнее см.: Академия наук Узбекской ССР. Ташкент, 1983. С. 7—36.

В описываемое время был осуществлен ряд этнографических экспедиций, вписавших важные страницы в историю изучения жизни и быта народов Узбекистана в прошлом и настоящем⁴.

В 1930 г. при участии Самаркандского музея была проведена экспедиция в Хорезмский оазис, значительно обогатившая этнографические собрания музея.

В 1931 г. ленинградский Музей антропологии и этнографии (МАЭ) направил экспедицию в Самарканд (Е. П. Николаичев и А. Н. Федоров) с целью изучения ремесла и цеховой организации ремесленников из среды оседлого населения (древообработка, кузнечество и др.). Была собрана и ценная вещественная коллекция⁵.

В 1936 г. возглавленная М. С. Андреевым экспедиция Государственного Музея искусств Узбекской ССР вела сбор этнографических экспонатов в Бухаре и Хиве (вышивки, чеканные изделия, образцы прикладного искусства узбеков и таджиков). В 1937 г. этот же музей организовал экспедиционную поездку М. С. Андреева в Маргилан — один из центров художественного ремесла Ферганской долины.

Примечательное место принадлежит руководимой М. С. Андреевым экспедиции в Бухару в 1940—1941 гг., организованной Среднеазиатским государственным университетом по инициативе его исторического факультета и при участии Музея искусств УзССР, Самаркандского и Бухарского музеев и Узкомстариса⁶. Экспедиция ставила перед собой различные цели исторического и этнографического характера. Но в центре внимания ее руководителя стояли изучение арка (кремля) Бухары конца XIX — начала XX вв. и воссоздание отдельных сторон жизни и быта населения Старой Бухары, в том числе дворцового быта обитателей арка, включая домашний быт эмира, по данным бухарских информаторов-очевидцев. Намечавшийся к изданию коллективный труд участников экспедиции (М. С. Андреева, Л. И. Ремпель, Н. В. Русиновой, О. Д. Чехович, М. С. Юсупова) не увидел света в силу наступившего вскоре военного времени. Лишь в 1972 г. усилиями А. К. Писарчик (много сделавшей для приведения в порядок, изучения и подготовки к изданию богатейшего архива М. С. Андреева) и при участии сотрудницы экспедиции 1940—1941 гг. О. Д. Чехович была выпущена в свет работа, посвященная описанию Бухарского арка и содержащая также рассказ М. С. Андреева «День бухарского эмира»⁷. С течением времени наблюдения и записи 1940—1941 гг. приобрели уникальный характер, поскольку в наши дни они уже не могли бы быть собраны с такой степенью полноты ввиду ухода из жизни информаторов — свидетелей событий начала XX в. и особенно конца прошлого века⁸.

Видную роль в этнографическом изучении узбеков сыграла постоянно действующая (с 1937 г.) Хорезмская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР во главе с ее бессменным руководителем С. П. Толстовым (до его кончины) и его заместителем по этнографической работе Т. А. Жданко. Экспедиция работала в сотрудничестве с музеями и другими научными учреждениями республики. В ее составе был ряд научных сотрудников, впоследствии внесших существенный вклад в этнографическое изучение Узбекистана и всей Средней Азии (Т. А. Жданко, И. Джабаров, К. Л. Задыхина, С. К. Камалов, Б. Х. Кармышева, М. В. Сазонова и др.) и создавших уже тогда ряд ценных работ по культуре и быту населяющих Хорезмский оазис народов — узбеков, каракалпаков и туркмен⁹.

⁴ См.: Памир, Таджикистан, Средняя Азия: Обзор трудов и материалов экспедиций 1932—1935 и 1928—1932 гг. М.; Л., 1936. 251 с.

⁵ См.: Курылев В. П., Люшкевич Ф. Д., Сазонова М. В. Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана//Сборник Музея антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. XXXV. 1980. С. 37—44. Здесь же приводятся сведения о вещественных поступлениях в МАЭ из Узбекистана в 30—40-х годах (собранных А. Л. Троицкой, Е. М. Пешеревой и др.).

⁶ О ней см. также: Ремпель Л. И. Далекое и близкое: Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла, искусства Старой Бухары//Бухарские записи. Ташкент, 1981. С. 38—40.

⁷ Андреев М. С., Чехович О. Д. Арка (кремль) Бухары в конце XIX — начале XX вв./Отв. редакторы А. К. Писарчик и О. Д. Чехович. Душанбе, 1972. 164 с.

Укажем, пользуясь случаем, что в рукописном фонде Института истории АН УзССР (в 1980 г. вошедшем в состав Фундаментальной библиотеки АИ УзССР) хранятся следующие рукописи М. С. Андреева: О выработке термина «окпо» в языках народов Средней Азии. 20 с. (№ 256/234); Из материалов по Бухаре при последних эмирах. 24 с. (№ 272/298); Разведение овец и коз в хозяйстве жителей верховьев Оксуса. Долина Хуф, 1942. 27 с. (№ 406/154); Ушедший старый быт среднеазиатских народов, его научная важность и необходимость его скорейшего изучения, 1943. 36 с. (№ 142/45 и 143/45); Скоморохи, сказки о калях плешивых Маддох-Баго «Сыновья Маддохов». 8 с. (№ 170/312); Выписка из путевых записей во время поездки в Афганистан в 1926 г., 1942. 6 с. (№ 203/2); Система сношений эмира с хакимами. 1. Почта. 2. Ю подворьях хакимов в столице, 1947. 17 с.

⁸ Заметим также, что ценные данные этнографического характера, касающиеся жизни и быта населения Бухары, содержатся и в опубликованных в 20—40-е годы автобиографических и исторических произведениях Садриддина Айни.

⁹ Толстов С. П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956 гг.)//Советская этнография. М., 1957. № 4. С. 31—

Приметное место в усилении внимания этнографов к современной культуре узбекского народа, национальной по форме и социалистической по содержанию, заняла также Ферганская этнографическая экспедиция, организованная в 1950 г. Институтом истории и археологии АН УзССР и сосредоточившая свои усилия на изучении изменений в жизни и быту колхозников Наманганской и Ферганской областей. Работы экспедиции велись на протяжении ряда лет и ознаменовались подготовкой к печати трудов по истории отдельных колхозов, социальных отношений в прошлом и настоящем, изменений в семейном быту колхозного населения, истории зарождения и развития современной социалистической культуры в среде колхозников, формирования нового духовного облика трудящихся¹⁰.

Как и раньше, плодотворная работа в сфере этнографии велась музеями республики (Ташкент, Андижан, Бухара, Самарканд, Хива и др.)¹¹. Теперь она осуществлялась уже при активном участии музейных работников из среды коренного населения Средней Азии (Г. Алимов, М. Бикжанова, А. Болтаев, Я. Гулямов, Ш. Иногамов, Т. Миргиязов, М. Саиджансв, Х. Хусанбаев, К. Юсупов, М. С. Юсупов и др.). Самаркандским музеем был собран, в частности, значительный материал по жизни, труду и быту женского населения¹².

Большое внимание в 30—40-х годах стало уделяться историками и этнографами изучению проблемы происхождения узбекского и каракалпакского народов и их предков.

Этапное значение имела небольшая работа А. Ю. Якубовского об этногенезе узбекского народа, в которой он показал, что «необходимо отличать условия формирования того или иного народа от истории его имени» и что прошлое узбеков древнее их более позднего названия («узбек»), возникшего только в XIV в.¹³

Появился и ряд публикаций по данной теме А. Н. Бернштама, Т. А. Жданко, Л. А. Мацулевича, Л. В. Ошанина, С. П. Толстова, К. В. Тревер, И. И. Умнякова¹⁴. Краткий историко-этнографический очерк каракалпаков опубликовал востоковед П. П. Иванов¹⁵.

В конце 40-х годов стали появляться и публикации Т. А. Жданко по этнографии каракалпаков¹⁶.

59; Мирхасилов С. Этнография//Наука в Узбекистане. II: Общественные науки. Ташкент, 1974. С. 194. Обзорам работ Хорезмской экспедиции 1937—1949 гг. посвящен ряд публикаций С. П. Толстова (их перечень см.: Указатель публикаций С. П. Толстова/Сост. Б. В. Лунии//Общественные науки в Узбекистане. 1977. № 2. С. 76—77). Также: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1945—1948 /Под ред. С. П. Толстова и Т. А. Жданко. М., 1952. 65 с. (библиография: с. 648—651).

¹⁰ Сухарева О. А. Ферганская этнографическая экспедиция//Советская этнография. М., 1954. № 3. С. 111—115; Также: Сухарева О. А. Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии//Советская этнография. М., 1955. № 3. С. 30—32.

¹¹ Ср.: Садыкова Н. С. Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, 1975. С. 112—121, 138—140, 158—164 и др. Также: Сухарев И. А. Работы по этнографии и археологии в Узбекском государственном историческом музее//Советская этнография. М., 1936. № 3. С. 109—110.

¹² См.: Юсупов М. С. 50 лет Самаркандского музея. 1896—1946 гг. Самарканд, 1948. 34 с. (здесь же сведения об этнографических фондах музея: с. 25—26). В рукописном фонде музея хранятся, в частности, составленная в 1930 г. Л. П. Потаповым «Программа для собрания сведений по этнографии» (58 с.) и ряд рукописных работ по этнографии П. В. Русановой, О. А. Сухаревой и др.

¹³ Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941. 18 с.

¹⁴ Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии//Советская этнография: Сб. статей. М.; Л., 1947. VI—VII. С. 148—158; Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии//Там же. С. 125—147; Ошанин Л. В. Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии//Там же. С. 305—307; Толстов С. П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии//Там же. С. 303—305; Егоров К. В. Аральский узел этнологического процесса//Там же. С. 308—310; Егоров К. В. К вопросу о происхождении каракалпакского народа//Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 2. 1947. С. 69—75; Тревер К. В. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.//Советская этнография: Сб. статей. VI—VII. С. 307—308; Умняков И. И. Тохарская проблема//Там же. С. 310—313 (см. также: Жданко Т. А. Очерк исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX—начале XX вв. М.; Л., 1950. 171 с.; Мошкова В. Г. Некоторые общие черты в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. II. Ташкент, 1950. С. 135—158).

¹⁵ Иванов П. П. Очерк истории каракалпаков//Материалы по истории каракалпаков: Труды Института востоковедения АН СССР. VII. М.; Л., 1935. С. 9—89; Егоров К. В. Каракалпаки//Советская этнография: Сб. статей. М., 1940. IV. С. 23—54 (Из серии «Народы СССР»). См. также его: Новые данные о каракалпаках: Исторические заметки//Советское востоковедение. III. М.; Л., 1945. С. 59—79.

¹⁶ Жданко Т. А. Этнографическая разведка в Чимбайском районе Каракалпакской АССР//Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. II. М., 1947.

Выходят в свет работы по отдельным национальным меньшинствам населения Узбекистана, в которых рассматривались политика и практика Коммунистической партии по обеспечению их равенства в составе народов Узбекистана, изменения в их жизни и быту за годы Советской власти¹⁷.

Краткая характеристика земельных отношений на территории Хивы в XIX в. дана М. В. Сазоновой¹⁸.

К историко-этнографической литературе примыкали и такие издания, как коллективные сборники статей, посвященные колхозам Советского Востока, в том числе Узбекистана. В них характеризовалось то новое, что входило в жизнь, труд и быт колхозного дехканства¹⁹.

Большое внимание уделяли этнографы проблеме ремесленного производства. Это было вполне оправданно, поскольку ремесло играло существенную роль в хозяйственной жизни узбеков, подвергаясь при этом радикальной социально-экономической реконструкции на социалистической основе.

В этом плане этнографический интерес представляет, в частности, очерк Б. А. Десятникова и П. М. Пономарева, посвященный реконструктивным изменениям в кустарно-ремесленной промышленности УзССР в процессе социалистического строительства²⁰.

Наряду с этим продолжалось изучение организации ремесленного дела и быта кустарей-ремесленников в дореволюционный период²¹.

Из литературы, посвященной отдельным видам кустарно-ремесленного производства, укажем на публикации Л. И. Ремпеля²², А. М. Миронова²³, А. А. Семенова²⁴, О. А. Сухаревой²⁵.

С. 5—16; Ее же. Быт каракалпакского колхозного аула//Советская этнография. М., 1949. № 2. С. 35—38; Ее же. Родоплеменная структура и расселение каракалпакских низовьев Аму-Дарьи в XIX — начале XX в.//Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. VI. М., 1949. С. 58—63.

¹⁷ Губер А. О приграничных племенах Кушкинского района//Революционный Восток. М., 1930. № 8. С. 267—284. Амитин-Шапиро З. Л. и Юабо в И. М. Национальные меньшинства Узбекистана. Ташкент, 1935. 176 с.; Амитин-Шапиро З. Л. Очерки правового быта среднеазиатских евреев. Ташкент, 1931. 104 с.; Его же. Среднеазиатские евреи после Великой Октябрьской социалистической революции//Советская этнография: Сб. статей. № 1. Л., 1938. С. 53—59; Троицкая А. Л. Национальные меньшинства в Средней Азии перед выборами в Верховный Совет//Революция и национальности. М., 1937. № 12. С. 60—66; Ее же. Из отчета о командировке в 1936 г. в национальные районы среднеазиатских республик//Советская этнография. М., 1937. № 4. С. 137—149; Мошкова В. Г. Туркмены Самаркандской и Бухарской областей//Бюллетень АН УзССР. 1945. № 4. С. 15—17; Ее же. Этнографическая экспедиция к туркменам Самаркандской области//Советская этнография. М., 1946. № 1. С. 241—242. См. также: Винников И. Н. Арабы в СССР//Советская этнография: Сб. статей. М., 1940. IV. С. 3—22.

¹⁸ Сазонова М. В. Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX в.//Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. VI. М., 1949. С. 64—67. Очень полезен и неопубликованный указатель В. П. Васильевой «Аграрный вопрос в Средней Азии. 1917—1924». 173 с. машинописи (Фонд Гос. библиотеки Узбекской ССР им. Алишера Навои в Ташкенте), в котором расписаны материалы 74 периодических изданий.

¹⁹ Труд и быт в колхозах: Из опыта изучения колхозов//Колхозы Советского Востока (Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Армения): Сб. статей. Л., 1931. 186 с. (Труды по изучению народов СССР).

²⁰ Десятников Б. А., Пономарев П. М. Социалистическая реконструкция ремесленно-кустарной промышленности УзССР. Ташкент, 1940. 184 с. См. также: Григорьев Г. В. Кустарное производство бумаги в Узбекистане//Советская этнография: Сб. статей. III. М., 1940. С. 142—160.

²¹ Пещерева Е. М. Из истории цеховой организации в Средней Азии//Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. VI. М., 1949. С. 34—36.

В 1929 г. Е. М. Пещерева переехала из Ташкента (где она работала в Главном Среднеазиатском музее) в Ленинград по инициативе А. А. Фреймана и по приглашению В. В. Бартольда и А. Н. Самойловича. С тех пор ее научная жизнь протекала в Ленинграде, но с неизменным сохранением ее среднеазиатских этнографических интересов, обусловивших крупный вклад Е. М. Пещеревой в науку (подробнее см. в записи, осуществленной 27 марта 1984 г. Б. Х. Кармышевой со слов Е. М. Пещеревой; за предоставление нам этой записи благодарим Б. Х. Кармышеву). См. также: Троицкая А. Л. Abdoltili — арга цеха артистов и музыкантов Средней Азии//Советское востоковедение. V. М.; Л., 1948. С. 252—274.

²² Ремпель Л. И. Ковровое производство на Советском Востоке. — ХВЗ, 1930. № 9 (о его неопубликованных работах по этнографии Узбекистана см.: Список научных работ и публикаций Заслуженного деятеля наук Узбекской ССР, доктора искусствоведения, профессора Л. И. Ремпеля: Библиографический указатель. Ташкент, 1968. С. 3—9.

В 1937 г. посмертно была напечатана небольшая статья акад. В. В. Бартольда о колесном и верховом движении в Средней Азии, близкая по своему содержанию к публикациям историко-этнографического характера²⁵.

Как и раньше, в поле зрения исследователей находились архитектурное наследие прошлого и современное народное строительное искусство в Узбекистане.

Обследование памятников народной архитектуры «старого города» Ташкента (жилые дома, квартальные мечети) вел в 1934—1940 гг. неутомимый М. С. Андреев²⁷. Появились публикации А. К. Писарчик, Б. В. Веймарна, Б. П. Денике, Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпель²⁸.

Внимание советских этнографов и искусствоведов продолжало привлекать к себе изучение народного искусства Узбекистана, что, кстати сказать, не только имело большое историко-познавательное и художественно-эстетическое значение, но играло и важную практическую роль, имея в виду место народного искусства в быту советского человека.

Вопросам истории народного искусства Узбекистана и всей Средней Азии были посвящены публикации Б. В. Веймарна²⁹, В. В. Екимовой³⁰, А. А. Семенова³¹, В. А. Шишкина³², А. Л. Троицкой³³, Б. П. Денике³⁴.

Изучалась в историко-этнографическом плане история религиозных верований, причем особое внимание уделялось важному в научном и практическом отношении вопросу о религиозных и бытовых пережитках и предрассудках, что оказывало реальную (хотя еще и недостаточную) помощь партийным, советским и профсоюзным ор-

---

²⁵ Миронов А. М. Кустарная выработка шелковых изделий в Средней Азии в прошлом и настоящем//За реконструкцию шелководства. Ташкент, 1931. № 3—4. С. 38—46.

²⁶ Семенов А. А. Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана// Литература и искусство Узбекистана. Ташкент, 1937. № 4—5. С. 112—129.

²⁷ Сухарева О. А. К истории развития самаркандской декоративной вышивки//Литература и искусство Узбекистана. Кн. 6. Ташкент, 1937. С. 119—134; Её же. О художественных промыслах Советского Узбекистана//Звезда Востока. 1948. № 5. С. 90—98.

²⁸ Бартольд В. В. О колесном и верховом движении в Средней Азии//Записки Института востоковедения АН СССР. VI. М., 1937. С. 5—7 (Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV. М., 1966. С. 406—407).

²⁹ Ср.: Акрамова Х. и Акрамов Н. Востоковед Михаил Степанович Андреев: Научно-биографический очерк. Душанбе, 1973. С. 150—151. 3 ноября 1943 г. М. С. Андреев был избран действительным членом Академии наук Узбекской ССР.

³⁰ Писарчик А. К. Жилой городской дом Бухары и Хивы//Архитектура СССР. М., 1937. № 1. С. 40—46; Её же. Памятники Кермине//Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. IV. М., 1944. С. 22—35; Ремпель Л. И. Архитектура народного жилища в Средней Азии//Архитектура СССР. М., 1937. № 1. С. 38—43; Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л., 1939. 228 с.; Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. М., 1948. 57 с.; Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. Бухара. М., 1949. 66 с. (Сокровища зодчества народов СССР).

³¹ Веймарн Б. В. Искусство Советского Узбекистана//Творчество. М., 1934. № 10. С. 1—18 (совместно с В. Чепелевым); Её же. Искусство Средней Азии. М.; Л., 1940. 192 с.; Её же. Ковры Советского Востока//Искусство. М., 1947. № 2. С. 59—61; Её же. Изучение орнамента Хивы XIV—XIX вв.//Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. XXVIII. М., 1949. С. 110—114; и др.

³² Екимова В. В. О прикладном народном искусстве в Узбекистане//Советская этнография. М., 1940. № 4. С. 82—96.

³³ Семенов А. А. К истории узбекской классической музыки//Литература и искусство Узбекистана. Ташкент, 1938. Кн. 3. С. 120—127; Её же. Среднеазиатский трактат по музыке Девриша Али (XVII века). Ташкент, 1946. 87 с.

³⁴ Шишкин В. А. К вопросу о древних традициях в народном искусстве Узбекистана//Ученые записки Ташкентского гос. педагогического института им. Низами. Вып. I. Ташкент, 1947. С. 33—39.

³⁵ Троицкая А. Л. Ферганская театральная экспедиция//Советская этнография. М., 1937. № 1. С. 163—164; Её же. Народный театр в Узбекистане//Рабочая хроника востоковедения АН СССР. Ташкент, 1944. С. 33—35; Её же. Из истории народного театра и цирка в Узбекистане//Советская этнография. М., 1948. № 3. С. 127—132.

В 20—30-х годах тюрколог Н. А. Баскаков, работая на территории Хорезмского оазиса (Хорезмская область УзССР, ККАССР, Ташаузская область ТуркмССР), вел попутный сбор материалов по хорезмскому народному театру (театр ручных кукол, маскарабозов, марионеток). С течением времени его записи текстов пьес, народных сказаний, песен, стихов из репертуара народного театра приобрели во многом уникальный характер. Изданы они были много позже (Баскаков Н. А. Народный театр Хорезма. Ташкент, 1984. 128 с.).

³⁶ Денике Б. П. Прикладное искусство Средней Азии//Художественная культура Советского Востока. М., 1931. С. 53—75.

ганизациям в ведении научно-атеистической пропаганды³⁵. К этому циклу работ при-
мыкали публикации С. П. Толстова³⁶, Ю. В. Кнорозова³⁷, О. А. Сухаревой³⁸.

Бытовые обряды, обычаи, традиции, вопросы изучения народной одежды были
объектом внимания Н. И. Леонова³⁹, И. А. и О. А. Сухаревых⁴⁰, З. Л. Амитина-Ша-
пиро⁴¹.

Говоря об этнографических работах 30—40-х годов, надо помнить, что 40-е го-
ды включают период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.
Естественно, что тяжелые условия военных лет не могли не сказаться на сокращении
объема этнографических исследований как в масштабе всей страны, так и Средней
Азии. Многие этнографы сражались с врагом, как, например, И. А. Сухарев (Самар-
канд), павший смертью храбрых⁴². Другие оказались в условиях суровой блокады
Ленинграда и т. п.

Все же жизнь не стояла на месте. Вопросы этнографии Узбекистана не выхо-
дили из поля зрения ученых и в трудные военные годы. Укажем в качестве примера
на работу функционировавшей в Ташкенте специальной Комиссии по этногенезу и
этнографии с секцией фольклора, уделявших, в частности, большое внимание изуче-
нию эпоса «Манас», узбекских дастанов цикла Гороглы и др., каракалпакской эпи-
ческой поэмы «Сорок девушек» и других памятников устного народного творчества⁴³.

Пребывание в годы войны в Ташкенте крупнейшего ученого-филолога В. М. Жир-
мунского ознаменовалось усилением его личного внимания к изучению эпоса народов
Средней Азии. В 1947 г. он опубликовал совместно с Х. Т. Зарифовым работу о ге-
роическом эпосе узбекского народа⁴⁴, а в 1948 г. напечатал «Введение в изучение эпоса
«Манас».

Вели работу и эвакуированные в Узбекистан этнографы Москвы и Ленинграда:
в Ташкенте С. М. Абрамзон, Е. М. Пещерева, А. Л. Троицкая, в Самарканде —
Т. А. Жданко, Е. И. Махова, Г. П. Снесарев и др. Ими проводились полевые исследо-
вания и продолжался сбор материалов к подготавливаемому к изданию двух-
томнику «Народы Средней Азии и Казахстана».

В послевоенные годы начала функционировать Среднеазиатская этнографиче-
ская экспедиция, руководимая Б. Х. Кармышевой⁴⁵.

³⁵ Толстов С. П. Средняя Азия//Религиозные верования народов СССР: Сборник этнографических материалов. Т. I. М.; Л., 1931. С. 241—375 (Раздел «Узбеки и таджики», с. 304—363); и др.

³⁶ Толстов С. П. Новогодний праздник «Қаландас» у хорезмских христиан начала XI века (В связи с историей хорезмско-хазарских отношений): Из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни//Советская этнография. М., 1946. № 2. С. 87—108.

³⁷ Кнорозов Ю. В. Мазар Шамун-Наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)//Советская этнография. М., 1949. № 2. С. 86—97.

³⁸ Сухарева О. А. Пережитки родового строя в брачных нормах и свадебных обрядах узбеков и таджиков некоторых районов Узбекистана и Таджикистана//Советская этнография. М., 1940. № 5. С. 172—184; Ее же. К вопросу о культуре мусульманских святых в Средней Азии//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. II. Ташкент, 1950. С. 159—178.

³⁹ Леонов Н. И. О характере детской игрушки в Узбекистане//Правда Востока. 1935. № 3.

⁴⁰ Сухарев И. А. и Сухарева О. А. Загадки таджиков г. Самарканда и его окрестностей. Восемь вариантов таджикской версии сказки «Коза и семеро козлят». Самарканд, 1934. 44 с. (Материалы Центр. гос. музея УзССР. Вып. 2—3); Сухарева О. А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии//Советская этнография: Сб. статей. III. М., 1940. С. 172—176; Ее же. К истории костюма населения Самарканда//Бюллетень АН УзССР. Ташкент, 1945. № 11—12. С. 38—41. В научном архиве Института искусствознания (Ташкент) хранятся рукописи М. А. Бикжановой «Женская одежда узбеков г. Ташкента XIX—XX вв.» (Б-60, инв. № 123) и «Ташкентская вышивка XIX—XX вв.» (АН Б-60, инв. № 260).

⁴¹ Амитин-Шапиро З. Л. Верования и обряды среднеазиатских евреев, связанные с материнством и ранним детством//Советская этнография. М., 1933. № 3—4. С. 135—166; и др.

⁴² Памяти Ивана Александровича Сухарева//Советская археология. М., 1959. № 2. С. 297.

⁴³ Подробнее см.: Луinin Б. В. Востоковедение в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны//Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 7. С. 57—67.

⁴⁴ Жирмунский В. М. и Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947. 519 с. К 30—40-м годам относится и ряд публикаций Х. Т. Зарифова, посвященных изучению узбекского народного творчества. Их перечень см.: Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. I/Сост. Б. В. Лунина. Ташкент, 1976. С. 243.

⁴⁵ См.: Курьлев В. П., Люшкевич Ф. Д., Сазонова М. В. Указ. статья. С. 42—43.

В 1947 г. последовало издание второго тома «Истории народов Узбекистана» — первой сводной работы такого плана. Он содержит немало данных историко-этнографического характера, а глава XI специально посвящена культуре и быту народов Узбекистана в колониальный период (население и его занятия, быт, религия, школа, литература и музыка, архитектура и изобразительное искусство)⁴⁶.

Как видим, в своей совокупности работы этнографов 30—40-х годов охватили с большей или меньшей полнотой самые различные стороны культуры, жизни и быта народов Узбекистана, в том числе советского периода, предвещая дальнейшее широкое развитие этнографических исследований в республике 50—60-х годов, которому мы посвятим нашу последующую статью⁴⁷.

Б. В. Лукин

---

⁴⁶ История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1947. С. 289—339 (в написании главы приняли участие Н. П. Архангельский, С. В. Бахрушин, А. К. Боровков, Ш. И. Иногамов, В. Г. Мошкова, А. К. Писарчик, Т. И. Райнов, О. А. Сухарева, В. А. Шишкин).

⁴⁷ В дополнение к предшествующей статье отметим: Кисляков В. Н. Среднеазиатская этнологическая экспедиция 1926—1929 гг.: Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. Л., 1986. С. 41—42.

НОВЫЕ КНИГИ

С. И. ИНОЯТОВ. РОЛЬ ПЕЧАТИ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ

(Ташкент: Фан УзССР, 1986. 148 с.)

Следуя ленинским заветам, наша партия всегда придавала и придает огромное значение печати как могучему идеологическому оружию, испытанному средству коммунистического воспитания масс и мобилизации их творческой энергии на решение актуальных задач.

Велика роль партийно-советской печати в интернациональном воспитании трудящихся нашей многонациональной Родины.

Об этом еще раз убедительно свидетельствует богатый фактический материал, собранный и обобщенный в изданной недавно книге С. И. Иноятова. Написанная на солидной историографической базе, она конкретно раскрывает роль и место в интернациональном воспитании масс периодической печати республик Средней Азии (где ныне выходит на различных языках 506 газет и 214 журналов).

В первой главе освещаются возрастающая роль прессы в интернациональном воспитании трудящихся, процесс совершенствования стиля работы редакций периодических изданий.

Во второй, основной главе работы — «Партийное руководство повышением роли печати в интернациональном воспитании масс в сфере материального производства» — детально рассмотрены три вопроса: роль печати в борьбе трудящихся за укрепление единого народнохозяйственного комплекса; усиление роли печати в укреплении сотрудничества братских народов в области промышленного производства; повышение эффективности участия прессы в организации сотрудничества народов Средней Азии в осуществлении аграрной политики КПСС. Как показано в работе, газеты Узбекистана и других среднеазиатских республик постоянно ищут новые формы работы с читателями и корреспондентами, подачи материалов в целях повышения эффективности интернационального воспитания трудящихся.

Много внимания уделено деятельности печати по повышению роли русского языка и взаимообогащению национальных культур в интернациональном воспитании масс. Эти вопросы нашли отражение в третьей главе работы.

В книге показаны и недостатки в деятельности органов периодической печати, говорится о путях устранения их в свете решений XVI пленума ЦК Компартии Узбекистана подчеркивается необходимость всемерного повышения действенности средств массовой информации в соответствии с указаниями XXVII съезда КПСС, в том числе в области интернационального воспитания трудящихся.

Книга представляет интерес не только для специалистов — ученых, пропагандистов, практических работников органов печати, но и для широкой общественности, интересующейся вопросами работы нашей печати и проблемами интернационального воспитания масс на современном этапе.

Р. Рахманов

ХРОНИКА

СЕМИНАР СОВЕТСКИХ И ИНДИЙСКИХ УЧЕНЫХ

27—29 октября 1986 г. в Узбекском обществе дружбы и культурных связей с зарубежными странами проходил советско-индийский семинар на тему: «Россия, Средняя Азия и Индия XVI—XX веков. Исторические корни дружбы и сотрудничества». В работе семинара приняли участие ученые Москвы, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Индии. Организаторами семинара были Общество советско-индийской дружбы и его Узбекское отделение, а также Институты востоковедения АН СССР и АН УзССР.

С приветственной речью на семинаре выступил Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Индия в Советском Союзе Трилоки Натх Кауль, особо остановившийся на перспективах дальнейшего развития дружбы и сотрудничества между народами Индии и Советского Союза.

Работа семинара открылась вступительным словом вице-президента Узбекского отделения Общества советско-индийской дружбы, доктора ист. наук С. А. Азимжановой, подчеркнувшей возрастающее значение крепнувшей дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза, в том числе Узбекистана, и Республики Индия.

Вице-президент Общества советско-индийской дружбы, зав. отделом Института востоковедения АН СССР, канд. ист. наук Г. Г. Котовский сделал доклад «Возникновение и развитие дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Индией». Докладчик дал общий обзор истории развития дружественных отношений между нашими странами, выделив в ней несколько этапов. Индийский ученый З. М. Курейши выступил с докладом «Опыт аналитического обзора индийско-советских отношений», подготовленным на основе изучения ценного документального материала.

Большое внимание на семинаре было уделено вопросам истории распространения буддизма и буддийской культуры в Средней Азии. На эту тему выступила акад. АН УзССР Г. А. Пугаченкова, иллюстрировавшая свои положения показом интересных слайдов. Истории распространения буддийской культуры в Средней Азии были посвящены также доклады индийского ученого Насима Бхатия и канд. ист. наук Ю. Якубова (Душанбе).

Доклад канд. филол. наук Р. Джалиловой (Ташкент) был посвящен теме «Ташкентское собрание индийских рукописей и их изучение».

Канд. ист. наук П. Н. Расуль-Заде (Ташкент) в своем докладе «Отношения между Индией и Средней Азией в XV—XX вв.» остановилась на вопросах развития торговых взаимоотношений двух регионов и изучения Индии учеными Узбекистана.

Большой интерес вызвал доклад индийского ученого Сатиш Чандра «История отношений между Индией и Средней Азией в XVI—XVIII вв.» На основе ценных рукописных документов он осветил взаимоотношения Северной Индии с Тураном (Мавераннахром).

Связям между Индией и Таджикистаном был посвящен доклад канд. филол. наук А. А. Алимарданова (Душанбе), а канд. искусствоведения А. Б. Джумаев (Ташкент) сделал доклад «Общие принципы в эстетике традиционного музыкального искусства Индии и Средней Азии».

В докладе доктора ист. наук К. З. Ашрафян (Москва) «Россия и Индия. Ранний и современный период — XVII — начало XIX в.» были освещены посольские и торговые отношения России с Индией.

Канд. ист. наук Т. Ф. Девяткина (Москва) в своем докладе «Индийское национально-освободительное движение и Советский Союз (1917—1947)» показала огромное влияние победы Великого Октября и построения социализма в СССР на демократизацию и расширение социальной базы индийского национально-освободительного движения, возникновение прогрессивных профсоюзных организаций и Коммунистической партии Индии.

Развитию советско-индийских экономических и торговых отношений были посвящены доклады индийского ученого Гириш Мишра и доктора экон. наук И. И. Егорова (Москва).

Доклады вызвали оживленные прения. Было выражено единодушное мнение, что семинар прошел успешно и подобные форумы следует проводить и впредь. Решено разработать комплексный план совместного изучения истории взаимоотношений народов обеих стран.

Участники семинара единодушно приняли Заявление, в котором выразили полную поддержку мирным инициативам Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, премьер-министра Индии Раджива Ганди и «делийской шестерки». В Заявлении с удовлетворением отмечено, что предложения лидеров СССР и Индии, направленные на укрепление мира и международной безопасности, а в конечном итоге — на достижение полного и всеобщего разоружения, нашли широкий отклик у всех людей доброй воли.

И. М. Хашимов

МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАССОН (1897—1986)

2 ноября 1986 г. не стало Михаила Евгеньевича Массона — старейшего и известного археолога, чье имя и труды неразрывно и навсегда связаны со всей послеоктябрьской историей изучения древнего и средневекового прошлого Средней Азии и Казахстана. Тяжелая, трудно восполнимая утрата для науки.

Академик АН Туркменской ССР, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, доктор археологии, доктор исторических наук, профессор М. Е. Массон родился 21 ноября (4 декабря) 1897 г. в Петербурге в семье топографа-землемера, многие годы работавшего в Средней Азии.

Интерес к археологии зародился у М. Е. Массона еще со школьных лет, когда он принимал участие в раскопках городища Афрасиаб.

В 1916 г., окончив с золотой медалью самаркандскую мужскую гимназию, М. Е. Массон поступил на инженерно-строительное отделение Петроградского политехнического института, но в 1917 г. был направлен для прохождения ускоренного курса в Михайловское артиллерийское училище, а оттуда — на Юго-Западный фронт. После демобилизации (1918 г.) М. Е. Массон вернулся в Самарканд, где в 1918—1923 гг. заведовал музеем краеведения и по совместительству — археологической секцией Самаркандского комитета по охране памятников старины и искусства (Самкомстарин).

В 1918—1919 гг. М. Е. Массон вел полевые археологические исследования памятников древности и русел древних арыков левобережья Ферганской степи, городища Афрасиаб, руин саманидского дворца IX—X вв. и др.

В сентябре 1923 г. М. Е. Массон переехал в Ташкент в связи с назначением на должность заведующего археологическим, а затем и нумизматическим отделами Главного Среднеазиатского музея. С этого времени начинается и его работа в качестве археолога Туркестанского (затем Среднеазиатского) комитета по охране памятников старины и искусства. Одновременно он слушал лекции в Туркестанском восточном институте.

Полевая археологическая деятельность М. Е. Массона принимала все более широкий и систематический характер. Он вел многочисленные археологические разведки, археолого-топографическое изучение Ташкента и Бухары, а также Старого Сайрама, Тараза и других городищ на территории Казахстана, историко-археологическое обследование памятников средневекового зодчества — мавзолеев «Манас» и Узгенда в Киргизии, «Айша-биби» и «Бабаджи-хатуи» в Казахстане и т. д.

С конца 20-х годов внимание М. Е. Массона привлекает многовековая история горного дела в Средней Азии. Он обследовал древние рудники Карамазарских гор и Ахангарана, долины Сумбара (Туркмения), Таласа (Киргизия) и других местностей. Эти изыскания нашли отражение в его работах: «К истории добычи ртути в Средней Азии» (1930), «Из истории горной промышленности Таджикистана» (1934), «Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка» (1936), «К истории горной металлургии Узбекистана» (1947), «К истории горного дела на территории Узбекистана» (1953) и др. Эти работы способствовали усилению внимания к изучению и освоению природных ресурсов Средней Азии.

М. Е. Массон активно пропагандировал прикладные задачи археологии и ее значение в решении ряда практических научных и народнохозяйственных проблем (история ирригации в связи с колебаниями климата, наводнением песков на оазисы и заболачиванием земель), особенно в геолого-разведочном деле, где результаты его исследований нашли практическое применение в республиках Средней Азии.

М. Е. Массоном были разработаны оригинальные методы полевых археологических исследований: выявление археологических «пятен» по растительному покрову, определение уровней былых поверхностей, культурных наслоений по данным энтомологического порядка.

В 1936 г. М. Е. Массону была присуждена ученая степень доктора наук без защиты диссертации. В 1939 г. он приступил к чтению спецкурсов по археологии, нумизматике и другим предметам на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета (с 1960 г. — ТашГУ им. В. И. Ленина). В том же году он организовал там первую в Средней Азии кафедру археологии, которой руководил бесценно на протяжении почти 30 лет. Здесь ярко проявились его замечательные качества педагога и организатора. Он подготовил плеяду высококвалифицированных специалистов, положив начало самобытной среднеазиатской школы археологии.

С именем М. Е. Массона связаны становление и развитие многих научных направлений в изучении истории Средней Азии. основополагающими стали его исследования в области исторической топографии среднеазиатских городов. Проблемы изучения развития товарно-денежных отношений в древности и средневековье, экономикки на материалах археологии, нумизматики, эпиграфики, вопросы истории письменности народов Средней Азии также во многом были впервые разработаны в его трудах. Он был в числе тех ученых, которые первыми на основе марксистского подхода создали формационную периодизацию истории Средней Азии.

В годы Великой Отечественной войны М. Е. Массон совмещал преподавательскую деятельность с работой в качестве старшего научного сотрудника Ташкентской группы Института истории материальной культуры АН СССР — руководителя Комиссии по истории добычи минерального сырья.

М. Е. Массон был энтузиастом комплексного подхода к изучению истории, что предопределило научную плодотворность работы многих возглавлявшихся им комплексных археологических экспедиций.

Так, в 1936—1938 гг. он возглавлял Термезскую археологическую комплексную экспедицию, охватившую своими изысканиями обширный круг памятников древности правобережья Амударьи. С конца 1945 г. М. Е. Массон руководил Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) — одной из крупнейших постоянно действующих археологических экспедиций страны. С ее деятельностью связан ряд открытий мирового значения, в частности на городищах Нисы, Старого Мерва и др.

В общей сложности М. Е. Массон участвовал в 80 полевых экспедиционных маршрутных и стационарных работах на территории среднеазиатских республик и Казахстана, внесших существенный вклад в науку, в познание прошлого народов этого обширного региона.

Исследователь широкого диапазона М. Е. Массон оставил после себя около 400 оригинальных научных трудов по древней и средневековой истории Средней Азии. Неоднократно выступал он и на страницах журнала «Общественные науки в Узбекистане». Под его редакцией вышли в свет 30 сборников научных трудов и монографий и 18 томов Трудов ЮТАКЭ.

Значительны его заслуги в деле охраны и пропаганды культурного наследия среднеазиатских народов, атеистической пропаганды и патриотического воспитания молодежи. Талантливый популяризатор науки, лектор, автор многих газетно-журнальных статей по истории и археологии М. Е. Массон был активным участником массового краеведческого движения в Средней Азии 20—30-х годов.

М. Е. Массон принимал деятельное участие в многочисленных научных форумах республиканского, регионального, союзного и международного масштаба, в том числе в III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии (Москва, 1935), XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960) и др.

В 1951 г. М. Е. Массон был избран действительным членом (академиком) АН Туркменской ССР. В 1967 г. за заслуги в изучении истории горного дела и оказание помощи местным краеведам и музейным работникам удостоен звания почетного гражданина города горняков Ахангарана. Советское правительство наградило М. Е. Массона орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета» и медалями.

М. Е. Массона неизменно отличали неутомимое служение науке, исключительная требовательность к себе и другим, глубокая принципиальность и вместе с тем искренняя сердечность, готовность всегда прийти на помощь и словом, и делом.

Светлая память о Михаиле Евгеньевиче Массоне навсегда сохранится в наших сердцах.

П. К. Хабибуллаев, К. И. Лапкин, Э. Ю. Юсупов, Н. И. Искандеров, Г. А. Пугаченкова, С. К. Камалов, А. А. Аскаров, К. А. Абдуллаев, Х. А. Абдусаматов, И. М. Азимов, Л. И. Альбаум, И. Ахраров, В. А. Булатова, П. Г. Булгаков, Ю. Ф. Буряков, Г. Я. Дресвянская, Л. И. Жукова, Д. Г. Зильпер, У. Исламов, С. К. Кабанов, Б. И. Кнопов, Б. Д. Кочнев, Н. И. Крашенинникова, Б. В. и С. Б. Лунины, Л. Ю. Маньковская, В. М. Массон, А. Р. Мухамеджанов, Г. Б. Никольская, Н. Б. Немцева, О. В. Обельченко, Р. Я. Раджапова, Г. Р. Рашидов, Л. И. Ремпель, Э. В. и Л. Л. Ртвеладзе, Р. Х. Сулейманов, Б. А. Тургунов, Э. И. Усминова, М. И. Филанович, Э. Хакимов и др.

МУНДАРИЖА

Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг умумий йиғилиши	3
Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитети секретари Р. Х. Абдуллаеванинг ЎзССР ФАнинг умумий йиғилишида сўзлаган нутқи	3
Т. Р. Раҳимбобоева, М. А. Ғуломова. ЮНЕСКО доирасида СССР-нинг халқаро ҳамкорлик алоқаларида Ўзбекистоннинг иштироки	14
М. В. Ломоносовнинг туғилган кунининг 275 йиллигига	
О. Ф. Файзуллаев. Буюк энциклопедист — олим, мутафаккир ва шоир	20
Илмий ахборот	
А. Б. Мельниченко. СССР ва ГДР қонунларида жазава ҳолатда қилинган хатти-ҳаракатлар учун жиноий жавобгарлик (Қиёсий-ҳуқуқий таҳлил)	26
А. Усмонов. Транспорт воситаларини ўғирлаш тушунчаси тўғрисида	28
Д. С. Урдашев. Тошкент область Советларининг ташкилий-оммавий ишларни такомиллаштириши тарихидан (1946—1958)	30
С. Х. Отақўзиева. XIX аср иккинчи ярми — XX аср бошларида Туркистон ипак ишлаб чиқариш саноати	33
А. А. Абдураззоқов. Афғонистоннинг қадимги ва ўрта аср шишалари химиявий таркиби	36
Қ. Маҳмудов. XII аср «Муқаддиматул адаб» тўрт тилли луғатининг монгол қисмидаги туркий сўзлар ҳақида	39
Олий ўқув юрти ўқитувчиларига ёрдам	
Е. Т. Тоиров, Х. П. Пўлатов, Қ. Сулаймонов. Фарғона Давлат педагогика институтида илмий коммунизм фани ўқитиш тажрибасидан	40
Архив саҳифаларидан	
Қ. З. Ҳакимова. XX аср бошларида Туркистон пахтакор деҳқонларини эксплутация қилиниши тарихига оид	42
Манбашунослик	
А. Бўриев. Гийас ад-Диннинг саёҳат кундалиги — тарихий манба	44
Тарихшунослик	
Б. В. Луни. 30—40-йилларда Ўзбекистондаги этнографик тадқиқотлар	49
Янги китоблар	
Р. Раҳмонов. <i>С. И. Иноят</i> . Меҳнаткашларни интернационал руҳда тарбиялашда матбуотнинг роли	55
Хроника	
И. М. Хошимов. Совет ва ҳинд олимларининг семинари	56
<u>Михаил Евгеньевич Массон (1897—1986)</u>	57

СОДЕРЖАНИЕ

Общее собрание Академии наук Узбекской ССР	3
Выступление секретаря ЦК Компартии Узбекистана Р. Х. Абдуллаевой на общем собрании АН УзССР	3
Т. Р. Рахимбабаева, М. А. Гулямова. Участие Узбекистана в международных связях СССР по линии ЮНЕСКО	14
К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова	
А. Ф. Файзуллаев. Великий ученый-энциклопедист, мыслитель и поэт	20
Научные сообщения	
А. Б. Мельниченко. Ответственность за деяния, совершенные в состоянии аффекта, по уголовному законодательству СССР и ГДР (Сравнительно-правовой анализ)	26
А. Усманов. О понятии угона транспортного средства	28
Д. С. Урдашев. Из истории совершенствования организационно-массовой работы Советов Ташкентской области (1946—1958)	30
С. Х. Атакузиева. К характеристике шелкообрабатывающей промышленности Туркестана второй половины XIX — начала XX века	33
А. А. Абдуразаков. Химические составы древних и средневековых стекол Афганистана	36
К. Махмудов. О тюркизмах в монгольской части четырехязычного словаря XII века «Мукаддиматул адаб»	39
В помощь преподавателям вузов	
Е. Т. Таиров, Х. П. Пулатов, К. Сулайманов. Из опыта преподавания научного коммунизма в Ферганском госпединституте	40
По страницам архивов	
К. З. Хакимова. К истории ростовщической эксплуатации дехкан-хлопкоробов Туркестана в начале XX века	42
Источниковедение	
А. Буриев. Дневник путешествия Гийас ад-Дина наккаша как исторический источник	44
Историография	
Б. В. Лукин. Этнографические исследования в Советском Узбекистане в 30—40-х годах	49
Новые книги	
Р. Рахманов. С. И. Иноятов. Роль печати в интернациональном воспитании трудящихся	55
Хроника	
И. М. Хашимов. Семинар советских и индийских ученых	56
Михаил Евгеньевич Массон (1897—1986)	57

НАШИ АВТОРЫ

- Абдуразаков А. А.** — доктор технических наук, зав. отделом химико-технологического исследования и консервации исторических памятников Института археологии АИ УзССР.
- Лунии Б. В.** — доктор исторических наук, зав. отделом историографии Института истории АИ УзССР.
- Таиров Е. Т.** — профессор, зав. кафедрой научного коммунизма ФерГПИ им. Улугбека.
- Файзуллаев А. Ф.** — доктор философских наук, зав. отделом диалектического материализма и истории философии Института философии и права им. И. М. Муминова АИ УзССР.
- Гулямова М. А.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Махмудов К.** — кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.
- Пулатов Х. П.** — кандидат философских наук, доцент кафедры научного коммунизма ФерГПИ им. Улугбека.
- Рахимбаева Т. Р.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Сулайманов К.** — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры научного коммунизма ФерГПИ им. Улугбека.
- Хакимова К. З.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Атакузиева С. Х.** — мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Буриев А.** — мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Мельниченко А. Б.** — начальник кабинета уголовного права и процесса ТВШ МВД СССР.
- Урдашев Д. С.** — аспирант ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Усманов А.** — аспирант з/о Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349